

И. ИРМШЕР

ПАЛЛАД

(Перевод с немецкого И. Черновой)

Период с IV до VII в. н. э. является в истории Восточного Средиземноморья переходной эпохой — эпохой, когда постепенно отмирают старые порядки и представления и вместе с тем вызревают новые порядки и представления, которым предстоит сменить прежние.

Кризис античного рабовладельческого строя, обостренный вторжениями германцев, привел в V в. к падению Западной империи. Восток империи, с 395 г. окончательно распавшейся на две части, был также захвачен кризисом, правда, по целому ряду причин не разразившимся с такой силой, как на Западе; хотя внешние формы государственного аппарата Восточной империи остались в общем и целом неизменными, сущность и идейные принципы его изменились коренным образом соответственно тем изменениям, которые происходили в социально-экономическом строе: к римскому компоненту присоединились греческий и христианский — феодальное Византийское государство, выросшее из позднеантичного, претендовало на то, чтобы его считали наследником и хранителем идеи римской государственности, эллинской культуры и ортодоксального христианства.

Черты переходной эпохи, которые наблюдаются в социально экономическом строе империи, получили свое отражение и в литературных произведениях этого периода. Совершенно верно, конечно, что эти памятники письменности следует относить не к средневековой, а к античной литературе, рассматривая ее именно как последний, завершающий этап развития литературы рабовладельческого общества. При этом нельзя все же упускать из виду, что большая часть дошедших до нас произведений литературы этого периода была доступна лишь очень небольшому кругу высокообразованных людей, составивших незначительную часть населения, памятников же фольклора почти не сохранилось, поскольку господствующие классы не были заинтересованы в их изучении. Наиболее близко к фольклору стоит часть церковной литературы, которая в период своего возникновения отражала не только настроения широких слоев господствующих классов, ощущавших всю безвыходность своего положения, но также и протест рабов и других угнетенных классов против рабства и угнетения. Следовательно, было бы ошибочно не принимать во внимание эту церковную литературу при рассмотрении позднеантичной; при этом нужно исходить не только из содержания или формальных признаков, как уже прежде было установлено¹, но и из литературно-социологических соображений; вместе с тем нельзя

¹ O. Stählin, in: W. v. Christ. Geschichte der griechischen Litteratur, Bd. II, T. 2. München, 1913, S. 907 ff.

согласиться с противопоставлением „античной“ литературы появившейся следом за ней „дерковной“².

Известно, что с упадком полиса и сопровождавшим его ограничением поэтической тематики лишь областью частной жизни, поэзия также приходит в упадок; ни один из поэтов эпохи эллинизма не может соперничать с великими поэтами классического периода. Преобладание второй софистики с ее враждебными поэзии критериями³ завершило этот упадок. К большинству произведений, написанных в период от Константина до Юстиниана, подходит оценка, которую дал позднеантичной эпической поэзии Э. Бете⁴: они „важны для характеристики“ своего „времени, в наше же они воспринимаются с большим трудом или, скажем прямо, совсем не воспринимаются“. И кроме Нонна из Панополя и Григория Назианзина⁵ — оба являлись приверженцами формировавшегося тогда нового направления — нельзя назвать ни одного значительного автора этой эпохи: ремесленничество и посредственность торжествуют в этой поэзии образованных, чтобы не сказать переучившихся. В этой поэзии нет следов влияния народа и его живого, развивающегося языка⁶. И только один жанр, который с присущей ему тенденцией к словесному жонглерству, сатирическому острословию, к иронии, словно соответствует упадочническому умонастроению этого гибнущего общества, нужно исключить из этой оценки: этот жанр — эпиграмма.

Эпиграмма как литературный жанр появляется в VI в. до н. э. Значительные успехи этого жанра — по крайней мере в количественном отношении — начинаются со времени греко-персидских войн (Симонид из Кеоса)⁷. Классические формы и классическое содержание эпиграммы определились в эллинистическую эпоху, когда появились и первые сборники эпиграмм⁸. В Риме эпиграмму в I столетии н. э. ввел Марциал. Закат античной культуры ознаменовался последним расцветом этого жанра, связанным с возобновившимся собиранием материала. Самые значительные имена, которые должны быть названы в этой связи, это Павел Силенциарий и Агафий — оба писателя жили в годы правления Юстиниана. Более чем на целый век раньше их жил Паллад, которым мы и будем далее заниматься.

Мы знаем около 150 эпиграмм этого автора, сохранившихся в греческой антологии⁹; сюда относится также стихотворение¹⁰ в латинском

² БСЭ, изд. 2-е, т. 12, стр. 532; ср. немецкий перевод этой статьи „Das alte Griechenland“, Berlin, 1954, S. 85.

³ См. F. Pfister. Sprache und Schrifttum der Griechen in Rahmen der Altertumswissenschaft. Freiburg, 1944, S. 38 f. Cp. W. v. Christ. Op. cit., S. 514, Anm. 9.

⁴ E. Bette. Die griechische Dichtung. Potsdam, 1924, S. 366.

⁵ Последовательность: Нонн — Григорий, выражает литературную оценку, но не указывает на их связь во времени.

⁶ Ср. E. Bette. Die griechische Dichtung, S. 364; W. Nestle. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. II, 2. Aufl. Berlin, 1945, S. 52. В. Кранц (W. Kranz. Geschichte der griechischen Literatur. Leipzig, 1949, S. 494 ff.) излагает материал без критического подхода к нему.

⁷ W. Schmid und O. Stählin. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. I. München, 1929, S. 385; И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1947, стр. 89.

⁸ P. Waltz. Anthologie grecque, t. I. Paris, 1928, p. VII sq.; И. М. Тронский. Ук. соч., стр. 214 сл.

⁹ Я цитирую по единственно полному изданию — Таухница: „Anthologia Graeca ad Palatini codicis fidem edita“, Bd. I—III. Nova impressio. Leipzig, o. J. Расхождения с более новыми, но незаконченными критическими изданиями, разумеется, будут отмечены.

¹⁰ D. Magni Ausonii Opuscula, hrsg. v. K. Schenkl. Berlin, 1883, S. 253; hrsg. v. R. Peiper. Leipzig, 1886, S. 421. К вопросу о подлинности ср. изд. Пей-

переводе под именем Авсония¹¹, найденное в двух парижских рукописях (1773 и 3019), которое так тесно примыкает к AP 9, 168 и 169, что его следует, несмотря на неясное указание леммы¹², с уверенностью приписать Палладу. Помимо ничего не говорящего упоминания у Иоанна Цеця (Εἰς τὸν Λυκόφρονος σχόλια)¹³, это поэтическое произведение является единственным источником для изучения не только мировоззрения, но и биографии поэта.

Этим самым мы уже затрагиваем важную филологическую проблему, а именно, вопрос о том, в какой степени вообще можно привлекать манерную поэзию поздней античности для освещения мировоззрения автора. Не являются ли эти литературные произведения скорее продуктами чистого подражания, искусственной обработки, переработки и нового оформления унаследованных тем в строго удержанных традицией формах? Значит ли вообще что-нибудь содержание в этой поэзии, предназначенной уже не для слуха, а только для глаза, отгородившейся от живого, развивающегося языка, который отрицает ее метрические нормы? Не интересует ли ее одна только изящная форма? Да и в состоянии ли эта упадочническая книжная поэзия, предназначенная для узкого круга одинаково мыслящих друзей, не ищущая, а для большинства своих творений и не могущая найти публику, — в состоянии ли вообще это чистейшее проявление „искусства для искусства“ увидеть и воплотить в поэтических формах реальную действительность?

Из последних работ о Палладе наряду со статьей В. Пэка¹⁴, богатой материалом, но несколько осторожной — как это и подобает работе, предназначенной для энциклопедического словаря, — надо упомянуть книгу итальянского филолога Л. А. Стеллы¹⁵, в последней главе которой идет речь о нашем поэте. Эта книга была положительно оценена всеми без исключения итальянскими рецензентами¹⁶, из чего ясно, что высказанные в ней взгляды являются в Италии широко распространенными и общепринятыми. Напротив, за ее пределами, в особенности в США, она была подвергнута резкой критике¹⁷. Чем объясняется такое различие в оценке книги?

Современная итальянская литература и литературоведение находятся по большей части под влиянием эстетики Бенедетто Кроче с ее неисто-

пера, стр. LXXXVI и 556 („Italarum s. XV epigrammata“); Ed. Cougny. Epigrammatum Anthologia Palatina, t. 3. Paris, 1890, p. 372.

¹¹ Греческий оригинал впервые издан Ж. Ф. Буассонадом (Philostratus. Heroica. Paris, 1806, p. 638 sqq.); там оно приписано Агафию; см. также Ed. Cougny. Op. cit., p. 314, № 145 = Appendix I в изд. Таухница.

¹² Ср. Ed. Cougny. Op. cit., p. 372.

¹³ Lycophonis Alexandra, hrsg. v. E. Scheer. Berlin, 1908, S. 3; A. Franke. De Pallada epigrammatographo. Dissertation. Leipzig, 1899, S. 37; сюда же относится литературно-исторический трактат (Anecdoton Estense), который, повидимому, использует тот же источник, что и Цец: I. Kayser. De veterum arte poetica quaestiones selectae. Dissertation. Leipzig, 1906, S. 56 ff. Паллад упоминается там на стр. 57.

¹⁴ W. Peek, in: RE. Bd. XVIII, S. 158 ff.

¹⁵ L. A. Stella. Cinque poeti dell'Antologia Palatina. Bologna, 1949, p. 309 sqq.

¹⁶ Ср. например, V. Pisani. Paideia, vol. 5, 1950, p. 276 sqq.; A. Pratesi. Doxa, vol. 3, 1950, p. 95; L. Pere. Giornale italiano di filologia, vol. 4, 1951, p. 364. В целом положительные также отзывы P. Chantraine. Revue de philologie, t. III, 25, 1951, p. 96 sq. и W. Kraus. Anzeiger für die Altertumswissenschaft, Bd. 6, 1953, S. 172 f. На стр. 173 он говорит: „Паллад впервые получил столь ясную характеристику“.

¹⁷ Ср. например, St. G. P. Small. American Journal of Philology, t. 72, 1951, p. 445 f., W. C. Helmbold. Classical Philology, t. 46, 1951, p. 192 sq.; M. Puelma. Gnomon, vol. 22, 1950, p. 308 sqq. (взгляды Пуэльмы частично служат основой для нижеследующего рассуждения).

рическими, чтобы не сказать антиисторическими критериями¹⁸. Сторонники этих взглядов не пытаются понять Паллада в связи с его эпохой, с его литературным и иным окружением, а, напротив, стремятся рассматривать поэта изолированно от его времени и среды, так как с их точки зрения „*poesia*“, „*rappresentazione lirica*“ определяется такими ведущими понятиями, как „*ispirazione*“, „*spontaneità*“, „*originalità*“, и является — совершенно в духе романтиков¹⁹ — своего рода естественным феноменом, а ее техническая сторона не имеет значения. Из вышеизложенного ясно, что подобный метод рассмотрения явлений поэзии эллинистической эпохи и непосредственно следующей за ней императорской ни в коей мере не может быть признан верным, поскольку чувство и оригинальность играют самую ничтожную роль в этой области; славу „ученого поэта“ (*poeta doctus*) составляет то, что он разбирается в традиционных *τόποι*, в мотивах и стилях, что он умеет обращаться с классическими размерами, знает толк в *imitatio*²⁰, короче — что он постиг в совершенстве свое ремесло, свою *τέχνη*. Оригинальная поэзия в духе Гердера²¹ в то время вообще не считалась бы литературой.

Значит ли это, что мы не можем сделать из этой поэзии никаких выводов о жизни и устремлениях ее создателей, что — в данном случае — мы должны заранее отказаться от мысли написать биографию Паллада, потому что все, что дошло до нас под его именем, — это лишь *παίγνιον*? Мне кажется, что сформулированная Пуэльмой задача „понимать античных поэтов и судить о них по специфическому миру их стиля, исходя из их собственных норм и критериев“²², является слишком узкой. Из сказанного видно, насколько важна формальная сторона для позднеантичной поэзии, сознательно выключившей себя из жизни. И, несмотря на это, жизнь оказывается сильнее: даже тот поэт, которого занимает одна форма, — дитя своего времени, хотя в творчестве его связь с действительностью выражена не так четко и непосредственно, как у авторов, которые — сознательно или бессознательно — отражают в своем творчестве современную им жизнь. Но для суждения об этой действительности, окружающей поэтов, в нашем распоряжении почти всегда имеется достаточно материала, с которым следует тщательно сравнивать мотивы, обрабатываемые поэтами. И уже один только выбор этих мотивов позволяет сделать известные выводы. Например, если в творчестве Агафия и Павла Силендиария эротика занимает необычайно много места, то мы, конечно, не можем считать этих поэтов строгими моралистами. Но, с другой стороны, своеобразие их поэзии таково, что по ней нельзя судить о их любовных приключениях. Науку это и не интересует, и позитивистское литературоведение недавнего прошлого, придавая подобным вещам большое значение и потому много занимаясь ими, не снискало себе этим никакой славы²³.

Паллад принадлежит Египту: в леммах эпиграмм Паллада он назван один раз (IX, 175) с полной определенностью — правда, только

¹⁸ Краткую характеристику с указанием большого количества литературы см. в кн.: E. Frauwallner, H. Giebisch und E. Heinzel. Die Weltliteratur, Bd. 1. Wien, 1951, S. 325 f.

¹⁹ „true romantic“: W. C. Helmbold. Op. cit., p. 192.

²⁰ Об *imitatio* ср. работу A. Guillemin (Revue des études latines, t. 2, 1924, p. 35 sqq.) и вступительную главу в кн. H. O. White. Plagiarism and Imitation during the English Renaissance. Cambridge (USA), 1935, p. 3 sqq.

²¹ Ср. W. Steinitz. Wissenschaftliche Annalen, Bd. 4, 1955, S. 321 ff.

²² M. Puelma. Gnomon, vol. 22, 1950, p. 310.

²³ См. I. Fränkel. Deutsche Literaturzeitung, Bd. 75, 1954, S. 82 ff.

по одному варианту рукописной традиции²⁴ — египтянином, чаще же — александрийцем²⁵. Его знакомство с египетской жизнью видно из многих стихотворений²⁶. О его принадлежности к эллинству свидетельствуют IX, 502 и X, 90: Ἑλληγνές ἐσμην. Разумеется, в этих высказываниях нельзя видеть указание на национальную принадлежность: эллином в то время называли человека греческой культуры и очень часто в более узком смысле — „язычника“²⁷. В Александрии, в Египте во всяком случае, это слово обозначало человека из гимнаasia²⁸, гордого своим эллинизмом, человека, который смотрел на египетское население с презрением, даже и в том случае, если его собственное социальное положение ничем существенно не отличалось от положения остального населения, как это, вероятно, и было у Паллада. Так, в значительной части его стихотворений говорится о деятельности, не приносящей удовлетворения, и о скудной оплате филолога (γραμματικός)²⁹ — представителя профессии, к которой принадлежал сам Паллад. Бедный школьный учитель — это издавна излюбленный литературный персонаж. Ювенал, например, рассказывает о бедности грамматиков, которые так нуждаются в гонораре (Юв. VII, 215 и сл.), а его им неохотно выплачивают (VII, 157 и сл.), — и это было совершенно справедливо в отношении подавляющего большинства учителей того времени. Люди этой профессии были лишены „той обеспеченности и внешнего почета, которые дает государственная служба“³⁰. В этом отношении и позднее, должно быть, не произошло существенных изменений, так что нет оснований не верить Палладу, когда он жалуется в одном сатирическом стихотворении (πῶδαστικόν IX, 174) на то, как ученики³¹ пытаются обмануть бедного грамматика, преследуемого гневом всемогущего Сараписа³². Одни из них занимаются чеканкой фальшивой монеты (об этом в аналогичной связи сообщает также противник Паллада — Фемистий³³), в то время как другие ученики, заключившие с ним договор на год, на одиннадцатом месяце переходят к конкуренту, не предупредив своего учителя об этом намерении³⁴ и не заплатив ему гонорара. Августин, также современник Паллада, имел такой же печальный опыт в Риме, где он хотел обосноваться в качестве преподавателя риторики (Исповедь, V, 12). Во втором стихе того же стихотворения, которое остроумно

²⁴ Ср. критический аппарат H. Stadtmüller. Anthologia Graeca, Bd. III, T. 1. Leipzig, 1906, S. 138.

²⁵ A. Franke. De Pallada..., S. 43; ср. Anthologia Palatina, V, 71; IX, 134.

²⁶ Ibidem.

²⁷ W. Bauer. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur, 4. Aufl. Berlin, 1952, S. 456.

²⁸ W. Schubart. Die Griechen in Ägypten. Leipzig, 1927, S. 37.

²⁹ Так лучше всего перевести слово γραμματικός, обозначающее педагога по специальности, а не учителя начальной школы — см. A. Franke. De Pallada..., S. 44 und Anm. 1.

³⁰ L. Friedlaender. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, Bd. 1, Leipzig, 1888, S. 315; ibid., S. 321 f., где приводятся конкретные данные о гонорарах. Ср. также параллельные места, приведенные у J. E. B. Mayor. Thirteen Satires of Juvenal, v. I, London, 1901, p. 274 sq.; 309 sq.; 324 sq.

³¹ Не следует ли вместе с Гесихием (Lexicon, Editio minor, ed. M. Schmidt, 2. Aufl. Jena, 1867, S. 1467) понимать τρωφός (стк. 3) в значении „воспитанник“? Все остальные толкования (см. сводку Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, vol. II. Paris, 1872, p. 181 sq.; H. Stadtmüller. Anthologia Graeca, t. III, pars 1, p. 237) не удовлетворяют.

³² „... ut rerum omnium potentem“ — Tacitus. Historiae, IV, 84.

³³ Themistios. Orationes, XXI, 261 C.

³⁴ Так следует понимать вместе с Дюбнером (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 34) προφέρειν в стк. 8.

составлено в виде школьной надписи³⁵, о деятельности грамматика говорится — с намеком на начало „Илиады“ — что она начинается с οὐλομένην μῆνις. Этот τόπος, который знаком Фемистию³⁶, часто используется Палладом.

В IX, 173 мы читаем:

Ἀρχὴ γραμματικῆς πεντάστιχος ἐστὶ κατὰρα·
 πρῶτος Μῆνιν ἔχει· δεύτερος οὐλομένην,
 καὶ μετὰ δ' οὐλομένην, Δαναῶν πάλιν ἄλγεα πολλὰ·
 ὁ τρίτατος ψυχὰς εἰς Ἀΐδην κατὰγει·
 τοῦ δὲ τεταρταίου τὰ Ἐλώρια καὶ κύνες ἀργοί·
 πέμπτου δ' οἰωνοὶ καί, χόλος ἐστὶ Διός.
 πῶς οὖν γραμματικὸς δύναται μετὰ πέντε κατὰρας,
 καὶ πέντε πτώσεις μῆ, μέγα πένθος ἔχειν;

Никакой перевод не в состоянии полностью воспроизвести этот экспромпт (impromptu)³⁷, где к намекам на „Илиаду“ присоединяется игра слов, основанная на двойном смысле слова πτώσις.

В другом ἐπίδεικτικόν (IX, 168) он двояко³⁸ развивает этот мотив: дело не только в том, что его ремесло грамматика начинается с μῆνις Ахилла — в лице своей жены (на основании XI, 378, где разрабатывается та же тема, глоссатор дает ей многозначительное имя Андромахи) он видит вторую μῆνις οὐλομένην и на этот раз во плоти — поэтому он может с полным правом назвать себя πολύμηνις³⁹, как человек, которому приходится выносить гнев многих⁴⁰. Об отношении нашего поэта к жене мы будем говорить ниже, но сначала отметим еще несколько стихотворений, содержанием которых является участь несчастного грамматика!

Οὐλομένην μῆνις стала для грамматика οὐλομένην πενίη, говорится в IX, 169, так что для него было бы лучше, если бы эта μῆνις убила его вместе с ахейцами, избавив тем самым от смерти из-за χαλεπὸς λιμὸς γραμματικῆς. Нужно иметь в виду, что слово „limós“ для слушателя Паллада имело двойное значение: λιμὸς — „голод“, а также в соответствии с явлением итализма λοιμός — „чума“, так что это было еще одним намеком на первую песнь „Илиады“. „Но для того, чтобы когда-либо Агамемнон мог похитить Брисеиду, а Парис — Елену, я должен быть бедняком“,

³⁵ См. W. Peek, in: RE, Bd. XVIII, T. 3, S. 161.

³⁶ Themistios, Orationes, XX, 264 D: Τοὺς υἱεῖς ἀξιοῦτε μανθάνειν ἀρεαμένους ἀπὸ τῆς μῆνιδος τῆς Ἀχιλλέως. Этот мотив знает также Лукилл (Anthologia Palatina, XI, 279. См. F. J. Brecht. Motiv-und Typengeschichte des griechischen Spottepigramms. Leipzig, 1930, S. 36); правда, это стихотворение некоторыми — например, Пэкком (W. Peek. Op. cit., S. 158) — приписывается Палладу (см. также Fr. Dübner. Op. cit., p. 383).

³⁷ Я пользуюсь словом „impromptu“ по примеру И. Г. Региса (J. Regis. Epigramme der griechischen Anthologie. Berlin, o. J. S., 118) для передачи трудно переводимого ἐπίδεικτικόν).

³⁸ Вслед за Брунком и другими более старыми издателями [см. обзор у Дюбнера (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, S. 181)] в стихе 3 мы отдаем предпочтение чтению сборника Плануда: δι' ἁλώτων, перед маловыразительным τριχάλωτον; оба прилагательные — ἀπὰς λεγόμενα.

³⁹ Эта форма также нигде больше не встречается.

⁴⁰ Πολύμηνις надо понимать в пассивном, а не активном смысле, как мы встречаем в словарях (например, W. Paré. Griechisch-deutsches Handwörterbuch, Bd. II Braunschweig, 1880, S. 666: „с большим гневом, очень гневный“; H. G. Liddell and R. Scott. A Greek-English Lexicon (далее Liddell-Scott), t. II, New ed., Oxford, 1951, p. 1440: „abounding in wrath“). Правильны переводы Гуго Гроция (Anthologia Graeca, ed. H. de Bosch. Utrecht, 1795, p. 71: „Gemino gravis ira tenet me compe vincum“) и Дюбнера (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina p. 33: „ira... cumulat“).

таким бедняком, что, как говорится в XI, 383⁴¹ — как подтверждает сборник анекдотов (Φιλόλογος)⁴², даже осел должен страдать; ведь грамматики живут скудно, — это ясно уже из того, что они укорачивают κριδή до κρι⁴³, а тут еще отец ученика, Дороей — не умышленно ли дано ему имя знаменитого грамматика? — разорвал выгодный договор, (он также был σύνταξις), послав злую πρῆβειλ бедному учителю⁴⁵. Учителю остается только обратиться за помощью к другу⁴⁶, чтобы тот избавил его от σύνδεσμος πενίης, от союза с бедностью, так как своего Каллимаха и своего Пиндара он уже продал (IX, 175). Но, как видно, призыв о помощи остался без ответа, так как в IX, 171 поэт говорит, что он оставляет свою профессию грамматика и собирается искать себе более доходное место — у нас нет оснований не верить его стихам⁴⁷. Но при этом он и здесь обнаруживает свое искусство в игре слов. „Δόγοι, συντάσσομαι ὑμῖν“ (я прощаюсь с вами), так как другая σύνταξις несет мне смерть. Но, сменив профессию, он теряет возможность войти в Анд в качестве βουλευτής νεκύων, senator mortuorum⁴⁸, о чем он мечтал в X, 97. Может быть, он, подобно великому насмешнику Лукиану, закончил свою жизнь мелким чиновником⁴⁹.

Другой τόπος, которым часто пользуется Паллада, — это мотив злой жены. Здесь еще труднее, чем в стихотворениях о школьном учителе, провести грань между собственными переживаниями поэта и использованием традиционной тематики. Что жену Паллада звали очень подходящим к ней именем Андромаха („сражающаяся с мужем“), мы уже знаем; знаем также, что она стала для него второй μῆνις. Πᾶν δ' ἡμᾶρ μάχεται καὶ παννυχίη πολεμίζει, — говорится совершенно в гомеровском духе в приложении 1; в качестве приданого мать положила ей в колыбель воинственный дух. Но если грамматике поэт может сказать: „Прощай!“, то со своей старухой он связан нерасторжимо; εἰργεὶ χάρτης⁵⁰ γὰρ καὶ νόμος Αὐσονίος (XI, 378): брачный контракт⁵¹ и авсонский (читай: итальянский) закон мешают мне в этом — имеется в виду, по-видимому, конституция Константина от 331 г., которая под названием De repudiis вошла в Кодекс Феодосия (III, 16.1).

Но значение этих высказываний, которые на первый взгляд могут показаться носящими сугубо личный характер, ослабляется содержанием

⁴¹ Кстати, ἀλαβαρχεῖν (стих 4) доказывает хорошее знакомство Паллада с египетской жизнью (ср. O. Seeck, in: RE., Bd. I, S. 1271; W. Schubart. Deutsche Literaturzeitung, Bd. 76, 1955, S. 814).

⁴² Philogelos, Hieroclis . . ., hrsg. v. A. Eberhard. Berlin, 1869, S. 8 f.

⁴³ Эту форму обозначили ἀποστροφῶν, а ее создателем стали считать Эпихарма (G. Kaibel. Comicorum Graecorum fragmenta, t. I. Berlin, 1899, p. 130, № 223).

⁴⁴ О Дороее из Аскалона см. W. v. Christ. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. II, S. 439.

⁴⁵ Объяснение см. у H. Stadtmüller. Anthologia Graeca, Bd. III, S. 138.

⁴⁶ Предложенное Мейнеке и принятое Штадтмюллером (Op. cit., S. 139) чтение Θέων φίλε вместо рукописного θεῶ φίλε возможно; однако его нельзя считать необходимым; более того, — оно мало вероятно из-за разницы в возрасте, разделявшей Паллада и отца Ипатии.

⁴⁷ Так же считает и Пэк (W. Peek, in: RE., Bd. XVIII. T. 3, S. 158).

⁴⁸ Перевод Дюбнера (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 269).

⁴⁹ Не следует придавать значение указанию мюнхенской рукописи Плануда на то, что новой профессией Паллада стали ἡ τε τέχνη τῆς ῥητορικῆς καὶ ἡ περὶ τὰς κρίσεις δικογραφία (H. Stadtmüller. Wochenschrift für klassische Philologie, Bd. 17, 1900, S. 822).

⁵⁰ Порядок слов по Дюбнеру (Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 390).

⁵¹ Об интерпретации термина χάρτης см. F. Jacobs. Animadversiones in Epigrammata Anthologiae Graecae. Bd. II, T. 3. Leipzig, 1801, S. 207.

ряда стихотворений, где Паллад, совершенно в духе традиции, идущей от Симонида Аморгского⁵², говорит о природе женщины. Она сравнивается с рабом (XI, 286): оба они — *κακόν* и остаются неизбежным злом, даже если они усердны⁵³. Жена — это *ὀργή τοῦ Διός*⁵⁴, гнев божий, говорится в IX, 165, неприятное *ἀντίφωνον* за то, что люди получили огонь, — здесь, как и в IX, 167, где используется такой же *τόπος* — намек на миф о Пандоре⁵⁵; к тому же жена еще хуже, чем огонь, который все же постепенно гаснет, тогда как ее пламя — неугасимо: оно вспыхивает вновь и вновь (167, стк. 4), сжигая и иссушивая мужа (165, стк. 3). Для подтверждения этого поэт ссылается на Гомера (165, стк. 5 и сл.) и цитирует его по памяти⁵⁶, так что при ссылке на „Илиаду“, XV, 18 сл., явственно звучит рассказанная в „Илиаде“ история о том, как Зевс сбросил с Олимпа противоречившего ему Гефеста; эта история в той связи, в какой ее приводит Паллад, не имеет смысла, так же как *πολλάκι* в стк. 6 не подходит к эпизоду, изложенному в XV песне „Илиады“. Стихотворение IX, 166 также призывает Гомера в качестве главного свидетеля для доказательства того, что все женщины без исключения злы и ненадежны; неверность Елены явилась источником бед, изображенных в „Илиаде“, стойкость Пенелопы — породила „Одиссею“ с ее *θάνατοι* (стк. 4) — имеется в виду убийство женихов. Стихотворение X, 55, говорит о муже, который утверждает, что не находится под башмаком у своей жены⁵⁷; оно поучает, что ни один мужчина не может избежать женской злобы: Паллад возражает этому мужу, говоря: „Ты, должно быть, сделан из дуба или из камня“ (здесь Паллад использует форму поговорки⁵⁸, что типично для его поэтической манеры); если тебе живется не так, как всем нам, остальным, и если твоя жена не бросает в тебя сандалиями⁵⁹, не делает тебя свидетелем бесчестных и недостойных супруги поступков⁶⁰, то это значит, что ты оказался удачливее других, но в принципе это ничего не меняет. Об этом же говорится и в следующем стихотворении (X, 56): женщина может вести себя, как угодно, но *σωφροσύνη* у нее нет⁶¹.

Нет сомнения, что в своих эпиграммах о злобе женщин Паллад использовал мотив, к которому поэты обращались уже в течение многих

⁵² См. F. I. Brecht. *Motiv und Typengeschichte . . .*, S. 60 ff.

⁵³ *καλός* = усердный = bonus. Верный перевод — у Брехта (F. J. Brecht. *Motiv- und Typengeschichte . . .* S. 61) и Дюбнера (Epig. Anthol. Pal., p. 333). Надо заметить, что стих 1 встречается и среди одностиший Менандра: *οὐδὲν γυναικὸς χεῖρον οὐδὲ τῆς καλῆς* (A. Meineke. *Fragmenta comicorum Graecorum*, t. IV. Berlin, 1841, p. 351).

⁵⁴ Это выражение встречается также в библейско-христианской литературе: Sirach, XXVI, 8: *Ὁργή μεγάλη γυνή μέθυος*; Clemens Alexandrinus. *Paedagogus*, t. II, pars 2, p. 33,2 (ed. O. Stählin. Leipzig, 1936, S. 176): „Ὁργή δὲ“, φησίν, „μεγάλη γυνή μέθυος“, οἷον: *χόλος θεοῦ οἰνομάχη γυνή*.

⁵⁵ Об этом см. H. Hunger. *Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Wien, 1953, S. 251.

⁵⁶ Стих 10 (*χρυσέω ἐν δαπέδῳ*) — также реминисценция из Гомера („Илиада“, IV, 2).

⁵⁷ О немецком выражении: „unter dem Pantoffel stehen“ см. Borchardt — Wustmann — Schorpe. *Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmunde*, 7. Aufl. Leipzig, 1954, S. 365 f.

⁵⁸ Так же у Гомера („Одиссея“, XIX, 163).

⁵⁹ Тот же мотив у Лукиана („Разговоры богов“, 13, 2).

⁶⁰ Подобный мотив у Ювенала (Сатиры, 1, 56).

⁶¹ Сюда же относятся V, 71 и XI, 381:

Всякая женщина — яд: она благодетельна дважды — Или на ложе любви, или на смертном одре.

веков; несомненно и то, что в этом мотиве, разрабатываемом им с тонким остроумием, ему удалось найти новые стороны, по сей день вызывающие улыбку у читателя.

Следующий вопрос — о мировоззрении поэта, о его философских взглядах и религиозных убеждениях — тесно переплетается с проблемами хронологии. Для их разрешения произведения Паллада дают нам три опорных пункта. Среди эпидейктических эпиграмм есть стихотворение (IX, 400), в котором поэт обращается к философу-неоплатонику Ипатии⁶²:

“Ὅταν βλέπω σε, προσκυνῶ, καὶ τοὺς λόγους,⁶³
τῆς παρθένου τὸν οἶκον ἀστρῶν βλέπων·
εἰς οὐρανὸν γάρ ἐστι σοῦ τὰ πράγματα,
Ἰπατία⁶⁴ σεμνή, τῶν λόγων εὐμορφία,
ἄχραντον ἄστρον τῆς σοφῆς παιδείσεως⁶⁵.”

(Когда я смотрю на тебя и внимаю твоим словам, я как бы вижу звездный дворец девы, ибо к небу обращены твои дела, почтенная Ипатия, совершенная в речах, непорочная звезда ученой мудрости).

Тон этих строк совершенно не тот, к которому мы привыкли у Паллада. Ирония здесь совершенно отсутствует; все стихотворение проникнуто чувством глубокого уважения и восхищения⁶⁶, столь чуждым и несвойственным этому насмешливому уму. Можно предположить поэтому, что Паллад принадлежал к интимному кружку этой женщины-философа, ставшей известной читающей публике благодаря роману Ч. Кингли⁶⁷. Это предположение получило бы дополнительное подтверждение, если бы в IX, 175 оказалось правильным упомянутое выше (стр. прим. 2), но отвергнутое нами чтение Θέων (имя отца Ипатии). Во всяком случае Паллада, как мы увидим далее, привлекала скорее личность, чем учение Ипатии, чью необыкновенную образованность, привлекательность и очарование славил как друзья, так и враги⁶⁸. Стихотворение написано, по-видимому, при жизни Ипатии — в противном случае было бы в какой-либо форме упомянуто о ее убийстве в 415 г. толпой александрийских христиан. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что Паллад родился за несколько десятилетий до

⁶² „Старую“ литературу о ней указывает J. A. Fabricius. Bibliotheca Graeca, Bd. IX, 2. Aufl. Hamburg, 1804, S. 187 ff. Большой материал собран у Ст. Вольфа (St. Wolf. Programm des k. k. Obergymnasiums in Czernowitz in dem Herzogtum Bukowina für das Schuljahr 1879. Czernowitz, 1879, S. 9 ff.), а также в кн. W. A. Meyer. Hypatia von Alexandria. Heidelberg, 1886.

⁶³ βλέπω следует эвгматически связать с τοὺς λόγους: „Когда я тебя вижу и слышу твои слова“ (так и R. Noche. Philologus, т. 15, 1860, S. 453 и Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, р. 211, где приведены другие толкования).

⁶⁴ В соответствии с размером следует читать „Hypátia“, на что указывает Fr. Dübner (Op. cit., р. 211); тем не менее следует оставить написание Ἰπατία.

⁶⁵ Что поэту знакомо понятие хатастерисμός, показывает, между прочим, выражение προσκυνῶ (стк. 1), религиозный смысл которого очевиден (см. доказательство у В. Бауера (W. Bauer, Griechisch-deutsches Wörterbuch..., S. 1304 ff.). Ипатия узнала свой хатастерисμός в известной мере при жизни (так же Fr. Dübner. Op. cit., р. 211).

⁶⁶ Прехтер справедливо называет это стихотворение „памятником уважения“ (RE, Bd. IX, T. 1, S. 243).

⁶⁷ Ch. Kingsley. Hypatia, t. I—II. Leipzig, 1857 (с важным введением, т. 1, стр. VII сл.); см. также H. v. Schubert. Preußische Jahrbücher, Bd. 24, 1906, S. 42 ff.; R. Asmus. Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte, Bd. 7, 1907, S. 30 ff.; J. Geffcken. Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung, Bd. 2, 1926, S. 150 ff.

⁶⁸ Доказательство у R. Noche. Philologus, Bd. 15, 1860, S. 443 f; 446 ff.

415 г. Но мы можем еще точнее определить эту дату. В IX, 528 имеется трехстишие Паллада с леммой: *Εἰς τὸν οἶκον Μαρίνης:*

Χριστιανοὶ γεγαῶτες Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες
ἐνθάδε καιεταύουσιν ἀπήμονες οὐδὲ γὰρ αὐτοῦς
χώνη φάλλιν ἄγουσα φερέσβιον ἐν πυρὶ θήσει.

Речь идет о статуях античных богов⁶⁹, которым дали имена христианских святых, что спасло их от плавильного тигля — здесь нельзя не услышать сарказма, звучащего в словах Паллада. Марина — это, по всей вероятности⁷⁰, младшая дочь императора Аркадия. Она была известна своей суеверной приверженностью к церкви и ее служителям и пользовалась большим влиянием на отца⁷¹. Различные источники⁷² упоминают о выстроенном ею дворце, где нашли приют статуи, о которых говорит Паллада⁷³.

Трудно себе представить, чтобы принцесса, родившаяся в 403 г., имела возможность построить такой дворец до 420 г. Таким образом, этот год можно считать *terminus post quem* для IX, 528.

И наконец, третья дата! Среди *συμποτικά καὶ σκωπτικά* находится стихотворение XI, 292, состоящее из двух дистихов:

"Ἄντυγος οὐρανίης υπερήμενος ἐς πόθον ἦλθε
ἄντυγος ἀργυρέης⁷⁴ αἰσχος ἀπαιρέσιον.
ἦσθ' ἄ ποτε κρίσιων, αὐθις δ' ἐγένου πολὺ χείρων.
δεῦρ' ἀνάβηθι κάτω νυν γὰρ αὖω κατέβης.

Лемма Палатинской антологии к этому стихотворению гласит: *Εἰς τινα φιλόσοφον γενόμενον ὑπαρχὸν πόλεως ἐπὶ Βαλεντινιανοῦ καὶ Βάλεντος*, лемма сборника Плануда: *Εἰς Θεμιστίον τὸν φιλόσοφον γενόμενον ὑπαρχὸν Κωνσταντινουπόλεως ἐπὶ Οὐαλεντινιανοῦ καὶ Οὐάλεντος*⁷⁵.

Эта эпиграмма таким образом направлена против знаменитого Фемиствия, βασιλεὺς λόγων⁷⁶ и εὐφραδής⁷⁷, советника императорского двора с 355 г., когда он был назначен Констанцием на должность члена константинопольского сената. Однако должность префекта⁷⁸ в Константинополе он занимал (в чем единодушно сходятся все свидетельства) не при Валентиниане и Валенте и не при Юлиане, как указывают некото-

⁶⁹ Ср. P. Waltz. *Revue des études grecques*, vol. 59/60, 1946/47, p. 198.

⁷⁰ См. аргументацию A. Franke. *De Pallada* . . . , S. 38.

⁷¹ Аргументация у O. Seeck, in: *RE*. Bd. II, S. 1139.

⁷² *Chronicon paschale*, vol. I, Bonnae, 1832, p. 566 (стк. 13: τῶν явно неверное написание вместо τῶν; следует исправить и соответствующее место у Эисслина — *RE*, Bd. XIV, S. 1757); *Theophanes. Chronographia*, vol. I. Bonnae, 1839, p. 372; *Theophanes Continuatus*, p. 460; а также *Notitia urbis Constantinopolitanae*, ed. O. Seeck: *Notitia dignitatum*. Berlin, 1876, p. 230. См. M. Schanz. *Geschichte der römischen Litteratur*, Bd. IV, T. 2. München, 1920, S. 129 f.

⁷³ П. Вальц (P. Waltz. *Revue des études grecques*, p. 208), называет Марину „*amie des arts antiques*“, не обосновывая этого утверждения.

⁷⁴ Намек на серебряную колесницу, которая полагалась префекту города (Fr. Dübner, *Epigr. Anthol. Pal.*, p. 384). Об ἄντυξ см. еще H. de Bosc. *Observationes et notae in Anthologiam Graecam*. Utrecht, 1810, p. 474.

⁷⁵ Цитируется по Дюбнепу (Op. cit., p. 384).

⁷⁶ Доказательства см. W. v. Christ. *Geschichte der griechischen Litteratur*, S. 822, Anm. 7.

⁷⁷ Ср. F. Ueberweg. *Grundriss der Geschichte der Philosophie des Altertums*. Berlin. 1909, S. 248.

⁷⁸ Об этой должности см. B. Kübler. *Geschichte des römischen Rechts*. Leipzig, 1925, S. 334; Pietro de Francischi. *Storia del diritto romano*, t. 3, Milano, 1936, p. 148, а также E. Sachers in: *RE*, Bd. XXII, T. 2, S. 2532 ff.

рые схолии⁷⁹, а лишь при Феодосии, вероятнее всего в период с весны 383 до осени 384 г.⁸⁰; оставляя этот пост, Фемистий произнес речь *Πρὸς τοὺς αἰτιασάμενους ἐπὶ τῷ δέξασθαι τὴν ἀρχήν* (34), в которой он возражает своим критикам, упрекавшим философа за практическую деятельность. Возможно даже, что в начале речи он прямо обращается к Палладу⁸¹: *ὑπὸ σοὶ κριτῆ τὸ κοινὸν ἔγλημα ἀπολύσασθαι*⁸². Еще вероятнее предположение А. Май⁸³ о том, что сопоставление Эпикура и Платона в конце речи указывает на отношения между Палладом и Фемистиём: *Ἐπικούρου μὲν μικρός, καὶ ὅστις ζῆλωτῆς Ἐπικούρου, σαρκὸς ἡδονὴν τεθυμακῶς*⁸⁴, *Πλάτων δὲ ἄνω αἰεὶ, καὶ ὅστις ἐπεταὶ Πλάτωνι, τὴν πρὸς θεὸν ὁμοίωσιν μεταδιώκων* (471. 13—16)⁸⁵. Данные лемм, таким образом, верны в отношении содержания, но время определено там неправильно. Палладу в то время было от 20 до 30 лет⁸⁶, так что год его рождения можно отнести приблизительно к 360 г.; он причислял себя к тем, кто с такой же уверенностью отрицательно отвечал на вопрос, *εἰ πολιτεύεται ὁ σοφός*, с какой Фемистий отвечал на него утвердительно.

Остальные, имеющиеся у нас данные о биографии Паллада не являются существенными. Среди „*Epigrammata sepulcralia*“ VII книги Антологии есть 8 сатирических стихотворений на некоего Гессия (681—688)⁸⁷. Астрологи предсказали ему место консула (678 и сл.), о котором он мечтал, но эти надежды не сбылись; напротив того, Гессия постигла смерть — от собственной руки, как полагали древние комментаторы⁸⁸, или, что вероятнее, в результате исполнения судебного приговора: он получил *σύμβολα τῆς ἀρχῆς* (685, стк. 4), секиры из *fascēs*, но только не в том смысле, в каком ему хотелось. О. Зеек⁸⁹ довольно убедительно показал, что Гессий, вымышленный Палладом, и египтянин Гессий, неоднократно упоминаемый в письмах Либания⁹⁰, — одно и то же лицо. Этот египтянин Гессий находился на императорской службе, после чего был в 388—392 гг. учителем риторики в Египте⁹¹. Позднее

⁷⁹ A. Franke. De Pallada..., S. 24; A. Mai in: Themistios. Orationes, ed. Dindorf, S. 458 Anm. = *Classici auctores...*, t. 4. Rom, 1831, p. 329, Anm. 3.

⁸⁰ W. Peek in: RE, Bd. XVIII, S. 159 f. Ср. также E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches, Bd. I. Wien, 1928, S. 251; W. Stegemann in: RE, Bd. V A, S. 1646; H. Bengtson. Griechische Geschichte. München, 1950, S. 528.

⁸¹ Так А. Май, in: Themistios. Orationes, ed. Dindorf, S. 444 Anm. = *Classici auctores...*, p. 307, Anm. 2.

⁸² См. Themistios. Orationes, ed. Dindorf, S. 444. 16-17, а также Kap. 9, S. 453; 12, S. 456; 27, S. 469.

⁸³ *Classici auctores...*, S. 352, Anm. 3 и в издании Диндорфа (Themistios. Orationes, ed. Dindorf) S. 471 ff.

⁸⁴ Из этого замечания не следует делать тот вывод, который сделал А. Май (Themistios. Orationes, S. 352. 2), будто Паллад был „*vitae solutioris*“; его поэзия отличается от поэзии Агафия или Павла Силенциария как раз отсутствием в ней эротических (ср. об этом W. Peek in: RE, Bd. XVIII, S. 161) и ограниченным числом застольных (там же, стр. 164) эпigramм.

⁸⁵ На дальнейшие отголоски этого мотива указывает H. Scholze. De temporibus librorum Themistii. Dissertation. Göttingen, 1911, S. 59, Anm. 350.

⁸⁶ A. Franke. De Pallada..., S. 39.

⁸⁷ Об этом см. F. Boll. Kleine Schriften zur Sternkunde des Altertums. Leipzig, 1950, S. 146.

⁸⁸ См. A. Franke. De Pallada..., S. 40.

⁸⁹ RE, Bd. VII, S. 1325.

⁹⁰ Libanii opera, ed. R. Foerster, t. 11. Leipzig, 1922, p. 43 (№ 892 = W 810), p. 166 (№ 1042 = W 962), p. 546 (1524 = W 1149).

⁹¹ Свидетельство антологий Планада — IV, 317 (= XVI, 317 по изданию Таухница), которое наряду с другими свидетельствами привлекает Зеек, имеет весьма ограниченную ценность (ср. A. Franke. Op. cit., S. 17; W. Peek, in: RE, Bd. XVIII, S. 160).

он добивался консульства, но, поскольку стало известно, что он обращался к оракулу⁹², — это было тогда строго запрещено⁹³, — он был арестован и казнен. Эпиграммы на Гессия во всяком случае не противоречат датировке, установленной нами ранее; в них ясно выражено злобадство по отношению к тому, кто смотрит на философию, как на τῶς κοινῶς ὀφελιμώτερη, и, исходя из этого, строит свою жизнь, — т. е. та же позиция, которая налицо и в эпиграмме, направленной против Фемистия⁹⁴.

Что же мы можем сказать еще о философских взглядах Паллада? Что касается его религиозных воззрений, то мы уже отметили его ироническое отношение к изображениям христианизированных языческих богов во дворце Марины (см. выше, стр. 256), а также его принадлежность к эллинству, которая в то время означала нечто большее, чем просто национальную принадлежность (см. выше, стр. 251). Эта приверженность Паллада к эллинству связана с печалью по минувшему величию. Разве мы, эллины, живем не призрачной, кажущейся жизнью⁹⁵, говорит он (X, 82), после того, как на нас обрушилось несчастье; не продолжаем ли мы только прозябать, когда жизнь уже давно позади?⁹⁶ Та же мысль развивается и в других стихотворениях. Если Фама — божество, то она недоброжелательна по отношению к эллинам, которых обманывала лживыми словами (X, 89)⁹⁷; все греческое перемешалось, как ἄνδρες ἐσποδομένοι, как люди, превращенные в пепел, они возлагают на мертвых свою надежду, которую им давно бы уже пора было похоронить (X, 90)⁹⁸. Рейске⁹⁹ сделал интересное предположение, что упомянутое стихотворение было вызвано мерами Феодосия I, направленными на разрушение храмов и уничтожение культов, — то и другое

⁹² Явное пристрастие Гессия к оракулам и волшебству приводит к мысли, что он и есть Кесий (Гесий), против которого Шенуте из Атрипы возбудил процесс (см. J. Leirpold t. Schenute von Atripe. Leipzig, 1903, S. 180; O. Seeck. Die Briefe des Libanius. Leipzig, 1906, 164 ff.

⁹³ Ср. волну процессов в начале 70-х годов IV в. E. Stein. Geschichte des spät-römischen Reiches, S. 273 ff.

⁹⁴ На сходство между этими эпиграммами обратил внимание уже L. Méridier. Le philosophe Thémistios. Dissertation. Rennes, 1906, p. 103. Приведенную там ссылку на издание Фемистия Дионисием Петавием (Paris, 1618, p. 634) я не мог проверить.

⁹⁵ ονειρων ἐκχέοντες, εἰνυκί τὸν βίον (стк. 3). Здесь предвосхищена кальдероновская тема: „Жизнь есть сон“. Странно, что Паллад не упоминается в обзоре А. Фаринелли (A. Farinelli. La vita è un sogno, vol. I. Torino, 1916).

⁹⁶ Я решаюсь вместе с Л. А. Стеллой (L. A. Stella. Cinque poeti dell'Antologia Palatina, p. 343, Ann. 1) поставить вопросительный знак. Якобс (см. Fr. Dübner, Epigr. Anthol. Pal., p. 281), повидимому, считает, что речь идет о каких-то реальных катастрофах, происшедших в Греции (magnas gravesque Graeciae calamitates), возмущаясь, об опустошениях, произведенных Аларихом (395/396 г.) — см. G. F. Hertzberg. Die Römer und das römische Reich, 2. Aufl., Berlin, o. J., S. 352); П. Вальц (P. Waltz. Revue des études grecques, p. 207 sq.) напоминает о восстании Гайны в 399 г. Ср., кроме указанной Вальцем литературы, G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, 2. Aufl., München, 1952, S. 45). Но оба эти события не могли непосредственно задеть Паллада, находившегося в Египте, так что скорее речь идет об общем упадке эллинизма.

⁹⁷ П. Вальц (P. Waltz. Revue des études grecques, p. 206) склонен считать, что здесь имеется в виду военное поражение, хотя он не может сказать, о каком именно поражении идет речь; я считаю это мало вероятным: оба последних, столь трудно объяснимых стиха обозначают то же самое, что немецкая поговорка: Nichts wird so heiss gegessen, wie es gekocht wird (Der Große Duden, Stilwörterbuch der deutschen Sprache, 3. Aufl., Leipzig, 1938, S. 233).

⁹⁸ Текст не позволяет согласиться с энциклопедией („Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste“, Ed. III, T. 10, Leipzig, 1838, S. 52) в том, что речь здесь идет о надежде на „погребенных мертвых“. „Служба глупости“ — определенный намек на христианский культ.

⁹⁹ Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 282.

в Египте проводилось с особенной жестокостью (достаточно вспомнить о разрушении храма Сараписа в 351 г.)¹⁰⁰ и встретило там соответствующее сопротивление¹⁰¹.

Но Паллад вскоре вновь обретает свой сарказм. Он обращается к низвергнутой статуе Геракла: Ἀλεξίκαχε τρισέληνε¹⁰², μηδέποθ' ἤττηθεις σήμερον ἐξετάθης (IX, 441. 3—4); на что бог ночью со скрытой улыбкой отвечает ему: Καίρῳ δουλεύειν καὶ θεὸς ὦν ἐμαθον (стк. 6) — „и я, бог, научился смиряться перед временем“. Этот мотив имеет и другие вариации. О Тихэ говорится в Εἰς τὴν Τύχην γενομένην καπηλεῖον (IX, 180, 181, 182); Εἰς τὸν τῆς Τύχης ναὸν γενομένον καπηλεῖον (IX, 183), где, как уже предположил Штадтмюллер¹⁰³, в обоих случаях явно имеется в виду одно и то же обстоятельство, о котором говорится у Иоанна Лида¹⁰⁴: Ὅτι τὴν ἰσταμένην ἐν τῷ Βυζαντίῳ στηλῆν τῆς Τύχης Πομπήιος ὁ μέγας ἔστησεν, ἐνταῦθα τὸν Μιθριδάτην συγκλείσας μετὰ τῶν Γότθων καὶ τούτους διασκεδάσας τὸ Βυζάντιον εἶλε. . . Ὁ δὲ τόπος ὕστερον καπηλεῖον ἐγένετο.

Низвергнутая Тихэ может почувствовать на себе, каково приходится тем, кого она сама низвергла (182, стк. 3 и сл.; 183, стк. 5 и сл.). А статуе Эрота, из которой искусный медник выплавил тигель, поэт говорит в утешение, что она и в таком виде еще может гореть (IX, 773).

Прежде, чем сделать вывод из сказанного, остается рассмотреть еще одну эпиграмму (XI, 384). С конца III в. монашество в Египте получает широкое распространение — как в виде отшельничества, так и в форме общежительных монастырей; жизнь монашества получает всестороннее отражение в литературе и привлекает внимание широкой общественности¹⁰⁵. Это явление не могло укрыться и от насмешливого ума Паллада:

Εἰ μοναχοί, τί τοσοῖδε; Τοσοῖδε δέ, πῶς πάλι μοῦνοι;
ὦ πληθὺς μοναχῶν ψευσαμένη μονάδα. —

говорит он, остроумно пользуясь игрой слов¹⁰⁶.

Приведенные стихотворения в достаточной степени характеризуют отношение Паллада к религии. Паллад совершенно не религиозен, но и не антирелигиозен. Он видит гибель старых богов, и это не вызывает в нем боли — разве что некоторую печаль, ибо боги эти принадлежат эллинству, столь дорогому ему. Но душа его не лежит и к христианству с его примитивным радикализмом, с его теологией, предстающей в обрамлении греческой философии, и с энергично формирующейся иерархией¹⁰⁷. Это не значит, что он не может при случае воспользоваться формулировками, звучащими по-христиански (или, лучше

¹⁰⁰ F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom, Bd. I. Tübingen, 1953, S. 30.

¹⁰¹ Ср. G. Bigoni. Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, VI, 5, 1886/87, p. 429 sqq.; V. Schultze in: Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, Ed. 19. Leipzig, 1907, S. 617 f. Предположение, что Паллад мог принимать в этом активное участие, справедливо отвергает Л. А. Стелла (L. A. Stella. Cinque poeti dell'Antologia Palatina, p. 339 sq.).

¹⁰² О значении τρισέληνος см. издание Штадтмюллера (H. Stadtmüller. Anthologia Graeca, Bd. III, S. 443).

¹⁰³ Ibid., S. 142.

¹⁰⁴ De mensibus, 3, 47. Bonnae. 1837, p. 48.

¹⁰⁵ См. K. Aland. Kirchengeschichte in Lebensbildern, 1. Berlin, o. J., S. 189 ff.; исчерпывающую библиографию см. E. Preuschen und G. Krüger. Das Altertum (Handbuch der Kirchengeschichte, 1). Tübingen, 1923, S. 197 ff.

¹⁰⁶ Аналогичные места указаны R. Cantarella. Poeti bizantini, vol. 2. Milano, 1948, p. 79.

¹⁰⁷ T. Sinko (Literatura grecka, t. III, pars 2. Wrocław, 1954, p. 246) упоминает Симмаха и Рутилия Наматиана.

сказать, монотеистически); такие примеры приводит П. Вальц¹⁰⁸, но при этом надо принять во внимание, что уже у Гомера встречается θεός и ὁ θεός в совершенно определенном смысле самого „божественного существа и действия“ — без заметного различия в значении¹⁰⁹. И это не значит также, что он не мог быть формально членом христианской общины, как позднее Агафий¹¹⁰, Павел Силенциарий¹¹¹ или Проконий¹¹², которые, впрочем, по своему образу мыслей стояли ближе к христианству, чем Паллад.

Каковы же положительные стороны мировоззрения Паллада? И на этот вопрос мы находим краткий и четкий ответ в VII, 339¹¹³ — συμποτικόν, который у Кефала стоит среди эпитафий. Это стихотворение — необычной для Паллада длины — состоит из четырех дистихов. Οὐδὲν ἄμαρτήσας, без вины и греха — как не по-христиански это звучит! — появился я на свет. И с тех пор, как я родился, каждый мой шаг приближает меня к Аиду. О несчастное сожительство моих родителей, таившее в себе зародыш смерти, о Ананкэ, неотвратимый рок, влекущий меня к смерти! Οὐδὲν ἐὼν γενομένην· πάλιν ἔσσομαι, ὡς πάρος, οὐδὲν — ибо ничтожен весь человеческий род. Поэтому, друг, пусть кубок сверкает (ἀποστλιβούν — встречается только здесь¹¹⁴), налей нам вина, прогоняющего заботы! Нет необходимости выяснять, насколько сильна здесь поэтическая традиция, — некоторые связи установил Дюбнер¹¹⁵, — важнее то, что сходные мотивы встречаются и в других стихотворениях Паллада; из этого следует, что указанные мотивы выражают мысли самого автора, но не являются данью традиционной тематике поэтического ремесла, заботящегося лишь о форме. Сравните, например, с этим стихотворением (VII, 339) другое (X, 118), принадлежность которого Палладу не является, впрочем, вполне установленной¹¹⁶:

Πῶς γενομένην; Πόθεν εἰμί; Τίνος χάριν ἦλθον; Ἄπελθεῖν;
 πῶς δύνωμαι τι μαθεῖν μηδὲν ἐπιστάμενος;
 οὐδὲν ἐὼν γενομένην· πάλιν ἔσσομαι, ὡς πάρος ἦα,
 οὐδὲν· καὶ μηδὲν τῶν μερόπων τὸ γένος¹¹⁷.
 ἀλλ' ἄγε μοι Βάκχοιο φιλήδονον ἔντυε νᾶμα.
 τοῦτο γάρ ἐστι κακῶν φάρμακον ἀντίδοτον.

¹⁰⁸ Kleinknecht in: G. Kittel. Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament, 3. Stuttgart, 1938, S. 66 f.

¹⁰⁹ P. Waltz. Op. cit., S. 198 ff.

¹¹⁰ М. В. Левченко. ВВ, т. III, 1950, стр. 72.

¹¹¹ См. С. Corbato. La poesia di Paolo Silenziario. Trieste, 1951 p. 6.

¹¹² Тем не менее формулировка: „Мировоззрение (Прокония) целостно христианское“ (В. Rubin. Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954, S. 57) мне кажется неосновательной. Отношение Прокония к христианству гораздо лучше характеризуют его собственные слова: (De bello Gothico, I, 3. 7): Ἀνθρώπων οὐδὲ τὰ ἀνθρώπινα ἐς τὸ ἀκριβὲς οἶμαι καταληπτὰ, μὴ τί γε δὴ τὰ εἰς Θεοῦ φύσιν ἤκοντα (см. замечания G. Souter. Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung, Bd. 2, 1939, S. 106 f., приемлемые, правда, с некоторыми оговорками).

¹¹³ Оно характеризуется в изданиях как ἀδηλον. Лемма (H. Stadtmüller. Anthologia Graeca, Bd. II, S. 227) называет авторами Паллада и Лукиана из Самосаты. Но в стихотворении, как это будет показано ниже, настолько чувствуется стиль Паллада, что в авторстве не может быть сомнений. Р. Гельм (RE, XXVI Hlbb. S. 1740) не высказывает по этому вопросу своего мнения, однако оспаривает принадлежность Лукиану всех эпиграмм, дошедших до нас под его именем.

¹¹⁴ Liddell — Scott, t. I, p. 219.

¹¹⁵ Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 456.

¹¹⁶ A. Franke. De Pallada... p. 16.

¹¹⁷ Следуя тексту Дюбнера (Fr. Dübner. Anthologia Graeca, t. II, p. 272) (по А. Meineke. Philologus, Bd. 15, 1860, S. 141).

Обе эпиграммы обнаруживают почти дословное сходство между собою. Некоторые их мотивы встречаются в следующих более коротких стихотворениях: X, 58 — Нагим пришел я на землю, нагим ее и покину, — так что же я мучаюсь? X, 59 — Ожидание смерти хуже самой смерти; X, 84 — в слезах человек рождается, в слезах покидает он этот мир: ὁ γένος ἀνθρώπων πολυδάκρυτος (стк. 3); X, 85 — Все мы предназначены для смерти, словно стадо свиней для бойни — ἀλόγως. Сюда примыкает XI, 349 с сатирическими стихами об астрономах¹¹⁸: начните с измерения самих себя, усвойте принцип γυνῶδι σεαυτὸν (стк. 3) — после этого можете измерять космос. Здесь явственно звучит изложенная Ксенофонтом (Воспоминания о Сократе, IV, 7. 5) беседа Сократа. Комментарий к греческой антологии мог бы в изобилии дать параллели из различных областей греческой философии также и к другим рассмотренным нами местам, но этот комментарий еще только должен быть создан, его так же не достает, как и полного критического издания текста и полного перевода его на один из современных языков. Однако то, что мы хотели доказать, ясно уже из вышесказанного. Было бы тщетным искать во взглядах Паллада определенной философской системы — гораздо вероятнее, что он, будучи начитанным грамматиком, черпал из всех источников, которые отвечали его пессимистически-скептическому отношению к миру. Иногда создается впечатление, что наиболее сильное влияние оказала на него школа Эпикура, учение которого, как известно, имело многих последователей в конце императорской эпохи¹¹⁹ и может считаться „истинной философией Римской империи“¹²⁰. Мы встречаемся с обвинением Паллада в эпикуреизме в речи Фемистия Περὶ τῆς ἀρχῆς (см. стр. 21), а в σμυλποτικόν, VII, 339 и параллельно к нему X, 118 содержатся элементы эпикурейского стремления к умеренному наслаждению жизнью. Сюда же относится застольная песенка XI, 55, а также стихотворение X, 47, призывающие, несмотря на все печали, не забывать о пище и вине, ибо, как свидетельствует Гомер („Илиада“, XXIV, 602 и сл.), даже Ниоба, пораженная тяжелым горем, не отказалась подкрепить свои силы¹²¹. И для состарившегося поэта насмешки женщин значат так же мало, как для Анакреона (стихотворение 11), которому он в XI, 54 подражает и в поэтической манере. XI, 62 резюмирует: „Жизнь коротка, так пусть вино, женщины и песни сделают ее более сносной“^{121а}; в стк. 6 встречается новая мысль: Τάλλα δὲ πάντα Τύχη πράγματα δὸς διέπειν.

Все это порой дословно повторяет „Алкесту“ Еврипида, 782 и сл.¹²² Нет сомнения, что грамматик Паллад был знаком с этой драмой¹²³. Но не следует думать, что представление Паллада о Тихе соиздалось только под влиянием Еврипида. У Еврипида боги — τύχης ἀρχηγέ-

¹¹⁸ Неточно озаглавлено „К геометрам“. G. Thudichum. Griechische Anthologie, t. 8. Stuttgart, 1870, S. 1048.

¹¹⁹ См. F. Ueberweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie. . . , S. 267.

¹²⁰ W. Windelband. Geschichte der abendländischen Philosophie im Altertum. München, 1923. S. 223.

¹²¹ См. Эпикур, фрагм. 473, 475—477. Фрагм. 409 (ἀρχὴ καὶ ῥίζα παντὸς ἀγαθοῦ ἢ τῆς καστρός ἡδονῆ) дошел в тенденциозной передаче.

^{121а} Сюда же примыкает V, 72.

¹²² Слишком сжатый комментарий Л. Вебера к „Алкесте“ (Лейпциг, 1930, стр. 147) не освещает ни общую проблему Тихе, ни вопроса о влиянии в этом отношении Еврипида на Паллада.

¹²³ См. обзор о влиянии Еврипида на позднеантичную литературу у W. Schmid und O. Stählin. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. I, T. 3, S. 831 ff.; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 602.

ται¹²⁴, так что Тихэ у него — во всяком случае, как правило¹²⁵ — средство в руках богов; персонификация Тихэ — это не просто метонимия, а образ почитаемого божества. И хотя для создания этого образа почву подготовили Еврипид и Софокл¹²⁶, окончательно он сложился лишь в эллинистическую эпоху¹²⁷. Что Паллад знал это божество Тихэ, которое в императорскую эпоху какое-то время считалось всеобъемлющим¹²⁸ и имело свой храм в Александрии¹²⁹; что мы вправе писать в его стихотворениях Τίχη с прописной буквы и в тех случаях, где отношение поэта к этому понятию неясно из контекста, — это видно из вышеприведенных *ἐπιδεικτικά* IX, 180—183; с другой стороны, ясно, что представление Паллада о Тихэ формировалось под влиянием популярной философии того времени¹³⁰. А так как эта последняя и сама не могла создать какой-либо цельной концепции¹³¹ относительно этого столь чуждого ей предмета¹³², то и у Паллада мы встречаем различную, а зачастую и противоречивую трактовку. Тихэ не знает ни Logos, ни Nomos, говорит нам X, 62; она тиранит людей своими *ἄλογα βεβύλατα*, более благосклонна к злым, чем к добрым, и, когда только может, проявляет свою *ἄλογος δύναμις*; все это — мысли, хорошо известные из Νέξ (неоаттической комедии) и еще больше из античного романа¹³³. Менее пессимистично X, 65, где речь идет о том, что жизнь — это корабль, управляемый Тихэ; так как эта Тихэ имеет двойственный характер, она может направлять корабль как по хорошему, так и по плохому курсу, хотя в обоих случаях путь кончается в подземной гавани Аида. И если в X, 80, а также в X, 72 говорится, что человеческая жизнь — это *παίγδιον* Тихэ, то и эта концепция не исключает благоприятного исхода. Мысль о том, что люди являлись игрушками, марионетками в руках божества, встречается уже у Платона (Законы, I, 644. D и VII, 803. C); у киников Тихэ — сила, ставящая (*χορηγός*) великую *Humana comoedia*¹³⁴ — образ, которым охотно пользовались и византийские авторы¹³⁵ и кото-

¹²⁴ „Электра“, 890 и сл. См. W. Schmid. Op. cit., S. 444. Anm. 5.

¹²⁵ Исключения отмечены *ibid.*, S. 703, Anm. 7.

¹²⁶ Аргументация приведена у M. P. Nilsson. *Geschichte der griechischen Religion*, I. München, 1955, S. 756.

¹²⁷ См. M. P. Nilsson. Op. cit., II. München, 1950, S. 190 ff.; S. 190, Anm. 2, где указана важнейшая литература по этому вопросу.

¹²⁸ См. P. Wendland. *Die hellenistisch-römische Kultur*. Tübingen, 1912. S. 104; В. Энслин (W. Ensslin. *Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus*. Leipzig, 1923, S. 76) устанавливает во взглядах этого современного Палладу историка на судьбу многие из тех черт, которые мы встречали у Паллада. На сохранение представлений о Тихэ в ранней Византии указал O. Veh. *Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Prokop von Caesarea*. Programm. Bayreuth, 1952, S. 24 ff., в средние века и в новое время — G. Soyter. *BZ*, Bd. 44, 1951, S. 543, Anm. 3.

¹²⁹ L. Ruhl in: *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, hrsg. v. W. H. Roscher. Bd. 5, Leipzig, 1924, S. 1356 f.

¹³⁰ При характеристике византийской философии IV—V вв. (см. V. Valdenberg. *Vuz.*, 4, 1927/28, p. 237) наряду с имевшим известное значение неоплатонизмом нельзя забывать и этой популярной философии, обращавшейся к широким массам.

¹³¹ G. Herzog-Hauser. *RE*, 2 R. 14 Hbb. S. 1665. Неудовлетворительно изложен материал у W. Engel. *Die Schicksalsidee im Altertum*. Erlangen, 1926, S. 106 f.

¹³² M. P. Nilsson. *Geschichte der griechischen Religion*, II, S. 193.

¹³³ Аргументацию см. G. Herzog-Hauser (op. cit., S. 1657 ff., 1670 f.). Стоики считали, что Тихэ *ἀδελος ἀνθρώπων λογισμῶ* (Ioannes ab Arnim. *Stoicorum veterum fragmenta*. T. 2, Leipzig, 1903, p. 280 f.); согласно Епифанию, эпикурейцы полагали: *τύχην διοικεῖν τὰ πάντα* (H. Diels. *Doxographi Graeci*, 2. Aufl. Berlin, 1929, p. 593).

¹³⁴ G. Herzog-Hauser. *Ibidem*, S. 1668 f., *RE*, Bd. 17, S. 162 f.

¹³⁵ Аргументацию см. Fr. Dübner. *Epigrammatum Anthologia Palatina*, p. 281.

рый впоследствии постепенно расширился до понятия „всемирного театра“. Поэтому лучше всего примириться со своей судьбой, не искушать своего демона и любить свою Тихэ (X, 77)¹³⁶. Но Палладу знакомо не только разочарование, которое вообще характерно для него и для всех тех, кто, подобно ему, принадлежал к кругу людей с эллинистическим образованием¹³⁷; во тьме, в которую повергла его распутница Тихэ¹³⁸, поэт взывает в X, 96 к своему λογισμός, спрашивая, как он может покорить Тихэ¹³⁹. Из сказанного ясно, как далек был Паллад от христианства. Христианский поэт того времени не стал бы упускать возможности для аргументации в пользу своей веры.

Дальше мы встречаем в стихах Паллада другие отголоски различных философских учений. X, 78 говорит о суде, который ожидает душу после смерти; о нем знает также народная религия классической эпохи, а с ней и Платон¹⁴⁰; это представление знакомо и египтянам. Паллад делает из этого вывод в духе Горация: „Carpe diem“ (Оды, I, 118)¹⁴¹. *Aurea mediocritas* Горация (Оды, II, 10,5) также знакома Палладу: Ἡ μεσότης γὰρ ἄριστον, — говорит он в X, 51, повторяя сентенцию Лоллия Басса, жившего во времена Тиберия (AP X, 102: αἱ μεσότητες ἀρισται¹⁴²); перед этим поэт указывает на то, что он не поддерживает точку зрения Пиндара, представителя сословия господ¹⁴³, согласно взглядам которого, „зависть куда лучше сочувствия“ [Пифийские оды, I, 86 (165)]. Поэт не хочет быть ни слишком счастливым, ни слишком несчастным, и в X, 86 он описывает это „мещанское“ — мы склонны прибегнуть именно к этому анахронизму — бытие:

Οὐ δαφιλῶς μὲν, ἀλλ' ὁμῶς καὶ γὰρ τρέφω
παῖδας, γυναικῶν, δούλων, ἄρνιδας, κύνας.
κόλαξ γὰρ οὐδεὶς τοὺς ἐμοὺς πατεῖ δόμου.

Этот „омещанившийся“ грамматик напоминает нам Лукиана, который, как известно, состарившись, предпочел незначительную, но достаточно оплачиваемую должность на государственной службе в Египте¹⁴⁴ мало обеспеченному существованию литератора. С этим, правда, не

¹³⁶ О Тихэ и демоне см. U. v. Willamowitz-Moellendorf. Der Glaube der Hellenen. Bd. 2, Berlin. 1932, S. 307: „Еще важнее Тихэ каждого отдельного человека: здесь выясняется, что она по своему существу не отличается от демона, хотя и имеет свои особенности“.

¹³⁷ J. V. Bury. History of the Later Roman Empire. London, 1923, p. 374.

¹³⁸ О πόρνη Тихэ речь идет также в X, 87, в стихотворении, написанном на стенах отхожего места и обнаруженном в 1897 г. во время раскопок Австрийского археологического института в Эфесе — см. E. Kalinka. Wiener Studien, Bd. 24, 1902, S. 292 ff.; J. Sitzler. Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. 133, 1907, S. 300.

¹³⁹ В том же духе остроумная игра слов в X, 73: Εἰ τὸ φέρον σε φέρει, φέρε καὶ φέρου. Εἰ δ' ἀγανχτηῖς καὶ σαυτὸν λυπεῖς, καὶ τὸ φέρον σε φέρει (см. M. Rubensohn. Berliner philologische Wochenschrift, 23, 1903, S. 1037). Стоик Персей считал, что мудрец ὑπὸ τῆς Τυχῆς ἀήτητός ἐστι καὶ ἀδούλωτος καὶ ἀκραιὸς καὶ ἀπαθής (I. Arnim. Stoicorum veterum fragmenta, t. I. Leipzig, 1938, p. 99).

¹⁴⁰ M. P. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion, I, S. 821 ff.

¹⁴¹ Другие параллели приводит Калинка (E. Kalinka. Op. cit., S. 294).

¹⁴² О концепции „золотой середины“ см. Th. Gomperz. Griechische Denker. Bd. 3, Berlin. 1931, S. 417, 511, а также примеры в индексе (стр. 617), и H. I. Mette. Μηδὲν ἄγαν. München, 1933, passim, где прослеживается развитие этой концепции от Гесиода до Софокла.

¹⁴³ Не могу присоединиться к толкованию В. Пэка (W. Peek. RE, Bd. XVIII, S. 163) — напротив, прав F. Jacobs. Delectus epigrammatum Graecorum. Gotha, 1826, p. 255: et invidiam ob nimiam quandam felicitatem et misericordiam ob infortunium deprecatur.

¹⁴⁴ L. Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht. Leipzig, 1935, S. 193.

вполне согласуется хвала бедности, которую поет Паллад (IX, 172 в.)¹⁴⁵. Если принять также во внимание еще более громкие похвалы искусству молчания в X, 46 (мудрым учителем этой *μεγάλη παιδείσις*¹⁴⁶ является Пифагор) и в XV, 20 (кончается словами: „*λαθὼν δὲ καὶ βίωσον, εἰ δὲ μὴ, θῶνών*“¹⁴⁷), — то отношение Паллада к философии станет совершенно ясным. Как истинный ритор и хороший грамматик, он основательно знаком с классическими философами и их учениями, но в то же время далек от того, чтобы самому непосредственно примкнуть к какой-нибудь школе: эклектик, он черпает из самых различных источников все, что отвечает его умонастроению, не слишком заботясь о противоречиях, которые в силу этого пронизывают его стихи.

Нам остается еще сказать о Палладе как о поэте. Уже те стихотворения, которые мы рассмотрели, изучая вопрос о его биографии, подтверждают справедливость оценки, согласно которой в сборнике его эпиграмм имеются „весьма остроумные стихотворения“¹⁴⁸. Эта „*Sylloge Palladana*“ была в распоряжении Кефала, когда он на основе созданных до него сборников составлял свою антологию. Как убедительно показал Франке¹⁴⁹, наряду с эпиграммами Паллада в нее вошли также произведения того же жанра, принадлежащие другим авторам; трудно решить, был ли включен Паллад в сборник Агафия, хотя это вполне вероятно¹⁵⁰. Творчество Паллада почти без исключения¹⁵¹ ограничивается произведениями трех родов: *ἐπιδεικτικὰ*, *προτρεπτικὰ* и *σκωπτικὰ*, соответствующих IX, X и XI книгам Палатинской антологии, причем надо заметить, что Кефал не всегда удачно размещает стихи — иногда это размещение диктуется случайными соображениями¹⁵².

Корни *γένος προτρεπτικόν* лежат в софистике. Исократ, XV, 60¹⁵³ видит свою задачу в том, чтобы *τοὺς νεωτέρους... προτρέπειν ἐπ' ἀρετὴν καὶ τοὺς ὑπὲρ τῆς πόλεως κινδύνους*¹⁵⁴. *Προτρεπτικός* становится затем названием для всякого философского сочинения, как, например, у Антисфена, основателя школы киников¹⁵⁵, а в дальнейшем получает более узкое значение — труда, призывающего заниматься философией, как у Аристотеля и других¹⁵⁶. *Ἐπιγράμματα προτρεπτικὰ* Антологии используют эту форму в поэзии¹⁵⁷, при этом, правда, философия в значительной сте-

¹⁴⁵ О расчленении традиционного текста эпиграммы IX, 172 на два стихотворения см. Fr. Dübner. *Epigrammatum Anthologia Palatina*, p. 181; H. Stadtmüller. *Anthologia Graeca*, Bd. III, S. 135 f.

¹⁴⁶ Аргументацию см. O. Casel. *De philosophorum Graecorum silentio mystico*. Gießen, 1919, p. 30 sqq.

¹⁴⁷ Эпикур, фр. 551: *Λάθε βίωσας*.

¹⁴⁸ F. Dölger. *Die byzantinische Dichtung in der Reinsprache*. Berlin, 1948, S. 23.

¹⁴⁹ A. Franke. *De Pallada...*, S. 47 f.

¹⁵⁰ Так думает Пэк (W. Peek, in: RE, S. 161).

¹⁵¹ О дошедших под именем Паллада мнимых *ἐρωτικά*, *ἀναθηματικά*, *ἐπιτύμβια* и *συμπотικά* см. там же, стр. 161 и 164.

¹⁵² K. Prinz. *Martial und die griechische Epigrammatik*. Wien, 1911, S. 4.

¹⁵³ Themistios. *Orationes*, hrsg. v. G. E. Benseler, Bd. II. Leipzig, 1882, p. 115 f.

¹⁵⁴ Отголоски этого см. у Ioannes Stobaeus, 2, 7 (*Anthologii libri duo priores*, hrsg. v. C. Wachsluth. Bd. II, Berlin, 1884, p. 40): *ἔστι γὰρ ὁ προτρεπτικός ὁ παρορμῶν ἐπὶ τὴν ἀρετὴν*.

¹⁵⁵ W. v. Christ. *Geschichte der griechischen Litteratur*, I, S. 655.

¹⁵⁶ Ibid., S. 725, Anm. 13. Однако позже встречаются и другие цели: *Προτρεπτικός* Клавдия Галена в рукописи озаглавлен: *Προτρεπτικός λόγος ἐπὶ τὰς τέχνας* и (правильно) *Προτρεπτικός ἐπ' ἱατρικὴν* [см. издание G. Kaibel (Berlin, 1884, S. IX)].

¹⁵⁷ Странно, что они не принимаются во внимание в подробном исследовании P. Hartlich. *De exhortationum a Graecis Romanisque scriptorum historia et indole*. *Leipziger Studien zur classischen Philologie*, 11, Leipzig, 1889, S. 207 ff.

пени рассматривается в ее практическом применении, на что указывают уже схолии¹⁵⁸: *Προτρεπτικά δὲ τοῦ πρακτέου τοῖς ἐντυγχάνουσιν ὄντα οὐ τέρψιν μόνην, ἀλλὰ καὶ ὄφελος οὐ μικρὸν ἔχει καιρὸν τε καὶ τόπον καὶ πρᾶξιν ὑφηγούμενα*. Выше (стр. 261) уже шла речь о стихах, повествующих о том, как следует относиться к непостоянству Тихэ¹⁵⁹; мы видели, как горячо возмущается Паллада богатством¹⁶⁰ и призывает к скромности¹⁶¹, воздержанию, молчанию¹⁶²; все то, что он имел против женщин, было уже рассмотрено при изучении его биографии¹⁶³. Следует только обратить внимание на несколько стихотворений, которые показывают нам Палладу как художника слова. Столь знакомый античному искусству образ льстеца¹⁶⁴ наделен у нашего грамматика (XI, 323) соответствующими его профессии чертами:

Ῥῶ καὶ λάμψδα μόνον κόρακας κολάκων διορίζει·
λοιπὸν ταῦτο κόραξ βωμολόχος τε κόλαξ.
τοῦνεκά μοι, βέλτιστε; τόδε ζῶον πεφύλαξο
εἰδῶς καὶ ζώντων τοὺς κόλακας κόρακας¹⁶⁵.

Не менее изящна эпиграмма X, 44, которая в то же время свидетельствует об употребительности латинского языка на рубеже IV и V вв. даже на Востоке империи:

Ἦν ὁ φίλος τι λάβη, „Δόμινε φράτερ“ εὐθύς ἔγραψεν
ἦν δ' αὖ μή τι λάβη, τὸ „Φράτερ“ εἶπε μόνον·
ὄνια γὰρ καὶ ταῦτα τὰ ῥήματα. Αὐτὰρ ἔγωγε
οὐκ ἐδέλω „Δόμινε“, οὐ γὰρ ἔχω δόμενα¹⁶⁶.

Δόμινε — δόμενα — это дополнительная забавная игра слов, но едва ли можно думать, что здесь имеет место намеренное этимологизирование.

Эпиграмма принадлежит к *ιαμβική ἰδέα*; этот жанр впервые достиг своего расцвета в творчестве Архилоха, Семонида Аморгского и Гиппонакта Эфесского; в древнеаттической комедии эпиграмма нашла свою новую форму, склонные к сатире киники подхватили ее¹⁶⁷. Пристрастие александрийцев к малым формам, сделавшее эпиграмму излюбленным поэтическим жанром, свело к краткой форме не только элегию, но и ямб¹⁶⁸. Возникшая таким образом сатирическая эпиграмма окончательно сформировалась в первые века н. э. — римлянин Марциал воспринял ее и придал ей новые черты¹⁶⁹. Паллад отдает предпочтение *γένος σκωπτικόν* как в форме дистиха, так и в виде строго выдержанного ямба¹⁷⁰. Существовало много тем, ставших традиционными для эпиграммы¹⁷¹. Большое число эпиграмм направлено против отдельных лиц. Хромой кузнец в XI, 307, чью жену зовут Афродита и у которого есть сын по имени Эрот, — он сам в таком случае должен носить имя Гефеста —

¹⁵⁸ Fr. Dübner. *Epigrammatum Anthologia Palatina*, p. 274.

¹⁵⁹ Сюда относятся IX, 134 и 135; X, 62, 80, 87 и 96.

¹⁶⁰ Сюда относятся X, 61 и 93.

¹⁶¹ Сюда относятся X, 34, 45, 51, 52, 57, 58, 60, 63, 65, 72, 75, 77, 83, 84, 85.

¹⁶² Сюда относятся X, 46 и 98; XV, 20.

¹⁶³ *Προτρεπτικά* к теме X, 55 и сл.

¹⁶⁴ О паразите — *κόλαξ* см. H. Poeschel. *Typen aus der Anthologia Palatina und den Epigrammen Martials*. Dissertation. München, 1905, S. 29 ff.

¹⁶⁵ Та же тема в IX, 119 и X, 95.

¹⁶⁶ О метрических нормах см. *Anthologia Graeca*, ed. F. Jacobs. III. Leipzig, 1817, p. 644 sq.

¹⁶⁷ F. I. Brecht. *Motiv- und Typengeschichte...*, S. 1.

¹⁶⁸ Gerhard. RE, 17 Hlbb. S. 664.

¹⁶⁹ F. I. Brecht. *Motiv- und Typengeschichte...*, S. 2.

¹⁷⁰ О структуре ямба у Паллада см. W. Peek. RE, Bd. XVIII. S. 166.

¹⁷¹ Я следую в общем и целом принятому Брехтом делению на тематические разделы.

это, конечно, вымысел¹⁷²; зато в существовании Патрикия¹⁷³ (XI, 386), незаконно присвоившего статую Никэ, не приходится сомневаться; гораздо большее впечатление производит эпиграмма IX, 164, рисующая образ олицетворенной справедливости. Как далеко может зайти личная насмешка¹⁷⁴, показывает эпиграмма XI, 353, направленная против матери уродцев:

Ἐρμούλου θυγάτηρ μεγάλῳ παρέλεχτο πιδήκῳ.¹⁷⁵
ἦ δ' ἔτεκεν πολλούς Ἐρμοπιθηκιάδας¹⁷⁶.

Что касается сатирических стихотворений, направленных против политических деятелей, то мы уже познакомились с серией эпиграмм, адресованных Гессию (см. выше, стр. 257). XI, 283—285 направлен против ὑπαρχος Дамоника (Демоника)¹⁷⁷. Он — „победитель народа“ — личность, в других источниках не засвидетельствованная, возможно даже вымышленная. В пользу такого предположения говорят также некоторые детали стихотворения: корыстолюбивый чиновник родом из Халкиды на Эвбее (283—284), жители которой были известны своей алчностью, так что χαλκιδίξειν значило то же, что и γλισχρεύεσθαι („быть жадным, скупым“)¹⁷⁸. Как новый Ликаон, как хищный волк (λύκος) — образ, заимствованный у киников¹⁷⁹, — пришел он (284) ἀντιοχεύμενος, что означает буквально „едущий навстречу“¹⁸⁰, здесь же понимается в непристойном смысле (contrario more futuo¹⁸¹) и к тому же созвучно с названием знаменитой резиденции Селевкидов, жители которой пользовались дурной славой¹⁸². Этот упрек в женоподобности, который развивается далее в 283 и 284, так же, как и описание особенностей одежды и поведения Дамоника, о котором идет речь в стихотворениях, и сама тема хищного тирана, — все это относится к общим приемам скоптической поэзии¹⁸³.

Но нападка Паллада подвергаются не только люди, причастные к политике (к только что приведенным примерам следует прибавить рассмотренное нами на стр. 256 выступление против Фемистия), — от них не избавлены и представители других гражданских профессий. Выше уже шла речь об ученом, который хочет измерить космос и не знает себя самого; мы также достаточно знакомы с суждением Паллада о профессии грамматика; но когда некий поэт — согласно лемме, его звали Никандром¹⁸⁴ — захотел разбогатеть при помощи своих стихов, он, как свидетельствует XI, 291, не встретил одобрения Паллада — впро-

¹⁷² Так и у Пэка (W. Peek, S. 164).

¹⁷³ К сожалению, это лицо не упомянуто в RE, 36 Hlbb., S. 2233 ff., 2244 ff., так же как и лица, названные у Fr. Jacobs. Animadversiones in: Epigrammata Anthologiae Graecae. Leipzig, 1801, p. 220.

¹⁷⁴ В этой связи надо указать еще на X, 49, 99; XI, 299—303, 340, 353, 385.

¹⁷⁵ „Simiis comparantur deformes vultus“. Пример см. Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 377.

¹⁷⁶ Острота эпиграммы ослабляется, если добавить два следующие дистиха — отсюда Дюбнер (Fr. Dübner. Op. cit., S. 388) с известными основаниями допускает, что здесь мы имеем соединение двух эпиграмм.

¹⁷⁷ Так в сборнике Плануда — см. Fr. Dübner. Op. cit., 383.

¹⁷⁸ Scholia Wecheliana (L. Schmidt in: RE, I, S. 2386), к этому месту — см. Fr. Dübner. Op. cit., p. 383.

¹⁷⁹ См. F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte. . . , S. 9, Anm. 58.

¹⁸⁰ Так понимает В. Панэ (W. Paue. Griechisch-deutsches Handwörterbuch, Bd. I, S. 256).

¹⁸¹ Liddell-Scott, t. I, p. 159 и перевод см. Fr. Dübner. Op. cit., p. 333.

¹⁸² Benzinger, in: RE, Bd. I, S. 2443.

¹⁸³ F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte. . . , S. 9, Anm. 60.

¹⁸⁴ Fr. Dübner. Op. cit., p. 384. Об этой личности мы ничего не знаем, нет сведений и в RE, 33 Hlbb., S. 247 ff.

чем, этот мотив касается не его одного¹⁸⁵. В XI, 255 говорится о танцовщике, изображавшем в пантомиме¹⁸⁶ Дафну и Ниобу: Дафна у него получилась деревянной, а Ниоба — окаменевшей, — намек на превращение нимфы Дафны в лавр, а несчастной Ниобы в камень¹⁸⁷. Между тем в AP XI, 253 и 254 мы встречаем ту же тему у Лукила, а у Паллада ее перенимает его современник Авсоний¹⁸⁸. Менаандр из эпиграммы Паллада остроумно обращается к плохому комедианту: Οὐδὲν ἐγὼ κατὰ σοῦ, καὶ σὺ κακῶς με λέγεις (XI, 263), а о хирурге Геннадии¹⁸⁹ Паллад говорит, что лучше попасть в руки палача, который, по крайней мере, не требует вознаграждения за свои старания (XI, 280)¹⁹⁰. События повседневной жизни, различные характеры и их особенности должны были неизбежно вызвать насмешку Паллада, но во всех этих темах он остается в традиционных рамках. „Плохая еда в красивой посуде“, — вот один из этих τόποι¹⁹¹. Паллад разрабатывает его в XI, 371, а в XI, 387 замечает, что тот, кто приглашен к столу неким Саламином, должен еще раз пообедать дома¹⁹². Еще хуже было на другом пиру, где поэт терпел танталовы муки, так как все кушания были пересолены и почти нечего было пить (IX, 377)¹⁹³, печальный опыт имел он и с подаренными кушаньями (IX, 484, 486)¹⁹⁴. Скрягу, который, умирая, все еще не выпускает из рук долговых расписок, показывают эпиграммы XI, 289 и 290; XI, 306 высмеивает женщину¹⁹⁵, которая тщетно путешествует по всей ойкумене в поисках хорошей партии¹⁹⁶; XI, 357 рассказывает о необычайном споре между отцом и сыном — они спорили о том, кто больше растратит. Все эти образы могли встречаться и в новой комедии, и в флиаках, и в миме, и в пантомиме. Присоединим сюда еще глупого и наглого невежду (XI, 304), надутое ничтожество (XI, 305) и тщеславного всезнайку (XI, 355) и заключим этот раздел стихотворением XI, 341, которое „в известной мере может служить эпиграфом для произведений поэта, принадлежащих к этому жанру“¹⁹⁷:

Αἰνίξεν μὲν ἄριστον· ὁ δὲ ψόγος ἔχθεος ἀρχή.
ἀλλὰ κακῶς εἰπεῖν, Ἀττικόν ἐστὶ μέλι¹⁸⁸.

Эпиграмматич ἐπιδεικτικὰ пятой книги по своему характеру более, чем другие произведения Паллада жанра эпиграммы, лишены единства¹⁹⁹. Различные поучительные или просто любопытные истории стоят ря-

¹⁸⁵ F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte, S. 14. Против другого поэта направлена XI, 373, против риторы — XI, 204.

¹⁸⁶ Прав Ф. Якобс (F. Jacobs. Leben und Kunst der Alten. I. Gotha, 1824, S. 341).

¹⁸⁷ H. Hunger. Lexikon. . . , S. 77, 225.

¹⁸⁸ Epigr. 31 (Magni Ausonii Opuscula, hrsg. v. R. Peiper, S. 434).

¹⁸⁹ В других источниках не засвидетельствован.

¹⁹⁰ Объяснение см. А. Меинекке. Philologus, Bd. 15, 1860, S. 140 f. Сюда относится также XI, 288, эпиграмма на плохого дьявольника (так и F. I. Brecht. Op. cit., S. 49; W. Peek, in: RE, Bd. XVIII, S. 162 считает, что это парабола, но не обосновывает своего мнения).

¹⁹¹ F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte. . . , S. 74.

¹⁹² Та же тема в XI, 377.

¹⁹³ Ср. IX, 487.

¹⁹⁴ См. K. Prinz. Martial und die griechische Epigrammatik, S. 59.

¹⁹⁵ Сходни (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 385) называют ее πόρνη, хотя текст не дает для этого никаких оснований.

¹⁹⁶ Вариации мотива показывает F. I. Brecht. Op. cit., S. 65.

¹⁹⁷ W. Peek, in: RE, Bd. XVIII, S. 165.

¹⁹⁸ Стоит обратить внимание на σχοπτικὴ — на толстяка (X, 54), на невзрачную лошадь (XI, 293) и на стонического осла (XI, 317).

¹⁹⁹ Для характеристики ср. P. Waltz. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. 6, 1938, p. 347; W. Schmid in: RE, 11 Hlbb., S. 53 ff.

дом с изображением обыденной жизни, рассуждения из области βεβιω-
 μένον — рядом с философскими размышлениями; создается впечатление,
 что составители различных антологий под общим обозначением объеди-
 няют все те стихи, которые не могли найти себе место в каких-либо
 других разделах. Общее у всех этих стихов то, что они что-нибудь из-
 лагают или доказывают, что и означает ἐπιδεικνύει; для того, чтобы
 подыскать для них общее название, вспомним слово экспромт, которое
 мы применили на стр. 252 и которое лучше всего определяет поэзию
 случая, внезапной мысли, настроения. Общую тематическую схему, ко-
 торую так легко набросать для σκωπτικά, едва ли можно составить для
 ἐπιδεικτικά; но и тут надо учесть, что большинство мотивов, встречаю-
 щихся у Паллада, имеет своих предшественников в эпиграмматике
 и эпидеиктической прозе. Мы приведем здесь в качестве примеров лишь
 несколько стихотворений, особенно характерных для творчества и ми-
 ровоззрения Паллада.

Грамматик хорошо знает Гомера²⁰⁰, хотя в своей передаче он архаи-
 зирует его несколько меньше, чем, по всей вероятности, этого можно
 было ожидать²⁰¹, и умеет прибегнуть к нему в нужном случае: „Ὀς οὐδὲν
 γλύκιον ἤς πατρίδος“, εἶπεν Ὀδυσσεύς, говорится в IX, 395 (Паллад имеет
 в виду „Одиссею“, IX, 34); но, полагает Паллад, вся эта любовь к ро-
 дине исчезла бы, если бы Одиссей поел поданный Киркой ἔχυτον —

Ὅ μόνον εἰ καὶ καπνὸν ἀποθρόσκοντ' ἐνόησεν²⁰²,
 εἶπεν ἄν οἰμῶζιν καὶ δέκα Πηνελόπαις.

В сборнике Плануда²⁰³ эта эпиграмма приводится под названием
 Εἰς πατρίδα, но истинный ее смысл раскрывает лемма Палатинской ан-
 тологии: Εἰς σκευασίαν τοῦ²⁰⁴ ἔχυτου. Что такое ἔχυτον, объясняет Афи-
 ней (Пир мудрецов, 644 С и 645 С—D), — это сорт пирога, который
 хотел бы восхвалять поэт. Образ Кирки мы встречаем у Паллада и
 в другом месте: в X, 50 он пытается развенчать миф о ней: она была
 не волшебница, а просто хитрая девка, обиравшая своих клиентов
 вплоть до рубашки и содержавшая их, как скот. Одиссей же не ну-
 ждался в помощи Гермеса, так как он обладал λογισμός, лучшим сред-
 ством против всякого волшебства — мы можем вспомнить нравоучитель-
 ную интерпретацию Гомера у Горация (Послания, II, 1. 2 и сл.).
 В другом месте Паллад также развенчивает миф: неудивительно,
 что убийцы остаются безнаказанными, замечает он в X, 53; ведь и
 Зевс убил бы своего отца Кроноса, если бы тот был смертным чело-
 веком²⁰⁵. Этот же самый аргумент, между прочим, применяет и хри-
 стианская апологетика: так, например, Фирмиан Лактанций говорит
 о Юпитере как об отцеубийце²⁰⁶. И когда Паллад в X, 94 сравнивает
 бога с философами, в этом проявляется та же тенденция к профана-
 ции мифологии.

Но Паллад знаком не только с мифологией. В IX, 397 он пере-

²⁰⁰ И не его одного! L. A. Stella (Cinque poeti. . . , p. 319) перечисляет имена ав-
 торов, на которых ссылается Паллад. По мнению этой исследовательницы, он не
 был знаком лишь с эллинистической эпиграммой.

²⁰¹ Ср. замечания Пэка о языке Паллада (W. Peck, in: RE, Bd. XVIII. S. 166).

²⁰² Следует обратить внимание на намек на „Одиссею“, I, 58.

²⁰³ Stadtmüller. Wochenschrift für klassische Philologie, S. 375.

²⁰⁴ Так следует читать вместе с Буассонадом и Брунком — ср. Fr. Dübner.
 Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 210; H. Stadtmüller. Op. cit., S. 375.

²⁰⁵ Та же еρωτικόν мысль (V, 254).

²⁰⁶ Divinae institutiones, I, 10.10 (Opera omnia, hrsg. v. S. Bandt und A. Laub-
 mann, Bd. I. Wien, 1890, S. 35).

дает широко известную²⁰⁷ историю о спартанке, которой легче убить своего сына, ставшего трусом, чем жить в позоре²⁰⁸. К числу традиционных принадлежит также рассказ об убийце (IX, 378), которого Сарапис спас из-под обвалившейся стены²⁰⁹, чтобы сохранить его для палача. Утверждение (IX, 393), что чиновник не может одновременно быть κλθρός (ср. немецкое „eine weiße Weste haben“²¹⁰) и μείλιχος, по-видимому, сделано поэтом на основании личного опыта. Иллюстрацией этому служат эпиграммы, направленные против Дамоника, о которых мы уже упоминали на стр. 266. Современному читателю покажется несколько фривольной эпиграмма IX, 489 на дочь некоего грамматика, близнецы которой умерли сразу после рождения:

Γραμματικοῦ θυγάτηρ ἔτεκεν φιλότῃ μιγεῖσα
παιδίον ἀρσενικόν, θηλυκόν, οὐδέτερον²¹¹.

Зато вполне заслужена маргинальная пометка ὄραϊον²¹² по поводу существования послания IX, 401:

Ἦ φύσις ἐξεῦρεν, φίλης θεσμούς ἀγαπῶσα,
τῶν ἀποδημούντων ὄργανα συντυχίης,
τὸν κάλαμον, χάρτην, τὸ μέλαν, τὰ χαράγματα χειρός,
σύμβολα τῆς ψυχῆς τηλόθεν ἀχτυμένης.

И состарившийся Паллад (ему столько же лет, сколько со времен Константина считается солидов в фунте, а именно 72²¹³) подводит итог своей жизни:

Δίτραν ἐτῶν ζήσας μετὰ γραμματικῆς βραχυμόχθου,
βουλευτῆρ νεύων πέμπομαι εἰς Ἀῖθην (X, 97).

Исходя из этого, можно считать, что он умер между 430 и 440 гг.

Сделаем выводы. Паллад жил в период, когда кризис общественно-экономических порядков Римской империи, начавшийся в III в., был несколько замедлен благодаря реформам Диоклетиана и Константина. Войско и хорошо налаженный аппарат управления являлись главной опорой правительства, которое пыталось добиться преданности солдат и чиновников, раздавая им земли. Правительство в основном находило также поддержку среди крупных землевладельцев, в значительной своей части принадлежавших к сословию сенаторов. Но земельные владения в ту эпоху достигли небывалых прежде размеров, что, конечно, укрепляло центробежные силы. Менее влиятельным классом были средние землевладельцы и куриалы в муниципиях (возможно, что в последнем стихотворении Паллада содержится намек на его тщетные старания

²⁰⁷ Примеры см. у Н. Stadtmüller. Wochenschrift für klassische Philologie, S. 377.

²⁰⁸ Возможно, что эпиграмма принадлежит не Палладу, а Павлу Силенциарию (J. Sitzler. Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. 133, S. 298); данный сюжет был использован многими поэтами, и это затрудняет решение вопроса об авторстве.

²⁰⁹ Едва ли здесь имеется в виду разрушение храма Сараписа в Александрии, как считает М. Rubensohn in: Berliner philologische Wochenschrift, Bd. 23, S. 1028; так же неправ J. Geffcken (Der Ausgang des griechisch-römischen Heidentums. Heidelberg, 1920, S. 175), считающий Паллада поклонником Сараписа.

²¹⁰ Borchardt-Wustmann-Schoppe. Die sprichwörtlichen Redensarten. . . S. 510.

²¹¹ Ο παράδοξον — рождении ребенка neutrius generis, как думает Пэк (W. Peek, in: R. E. Bd. XVIII, S. 162), в свете нашей интерпретации не может итти речь — иначе пришлось бы изменить лемму — см. F. Jacobs. Animadversiones. . . , II. Leipzig, 1801, p. 220.

²¹² Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 211.

²¹³ K. Regling. Münzkunde. Leipzig, 1930, S. 28.

войти в одну из таких курий). Ниже этого класса стояли плебеи, *humiliores*; почти все они входили в корпорации и коллегии. Значение рабства падало по мере того, как все большую роль начинал играть труд колоннов. Официальной государственной идеологией было христианство, догматические вопросы приобрели государственное значение. Чтобы сделать возможной такую связь между государством и церковью, церковь должна была полностью отказаться от евангельского учения и образа жизни, и нередко протест верующих против обмирщения церковной иерархии проявлялся в форме догматических отступлений. Впрочем, старые верования ни в коем случае не умерли, хотя они уже и не имели под собой широкой почвы после того, как колеблющиеся перешли в христианство. Но все же у старой религии было еще достаточное количество приверженцев — и не только среди крестьян, живущих в глуши, но и среди крупных землевладельцев, и среди образованных людей; конечно, религия эта сохранялась не столько в форме древнего культа, сколько в форме философской эклектической доктрины — представителем одной из ее разновидностей были неоплатоники. Часть интеллигенции того времени, которая не пошла в услужение церкви, ориентируется на высший класс, класс крупных землевладельцев, проповедует верность старому и философское самоудовлетворение, оставаясь слепой к социальным проблемам своего времени²¹⁴, и даже к собственному социальному положению. Это особенно ясно было видно на примере бедного школьного учителя Паллада, для которого, несмотря на то, что он находится в трудном материальном положении, имеет значение лишь его эллинизмо; более того, он презирает Фемистия за активное участие в государственной жизни. Как поэту Палладу нельзя отказать в заслугах. Он заново открыл для своей эпохи эпиграмму и хотя не основал школы, но подготовил новый расцвет этого жанра в период Юстиниана²¹⁵. Правда, Паллад нигде не сходил с проторенных путей, но он умел найти новые стороны в традиционных темах и порой довольно остроумно их трактовать²¹⁶. Конечно, это был не гений, но, без сомнения, талант.

Творчество Паллада ставит перед исследователями ряд разнообразных проблем. До сих пор были сделаны лишь начальные попытки написать детальное и полное исследование о его стихотворениях с учетом внешней и внутренней обстановки, а также — состояния литературы того времени. Недостаточно были также использованы его произведения при изучении жизни позднеантичного Египта. Изучение византийского города, византийской литературы и культуры с научных позиций современности уже давно признано важной исследовательской проблемой²¹⁷, и цель нашей работы — показать, что Паллад должен быть включен в эту программу.

²¹⁴ Вспомним высказывание Паллада о рабе (XI, 286):

Οὐδ' ἂν γυναικὸς χεῖρον οὐδ' ἔτι τῆς καλῆς
 δούλου δὲ χεῖρον οὐδεν, οὐδ' τοῦ καλοῦ
 χρήσεις ὅμως οὐν τῶν ἀναγκάσιων κακῶν
 εὐνοῦν νομίζεις δούλον εἶναι ἕξπότην,
 καλὸς δ' ἂν εἴη δούλος τὰ σκέλη κλάσας.

²¹⁵ Так же считает Вальц в своем издании (P. Walz. Anthologie grecque, t. I, № XXIII et XXV).

²¹⁶ Поэтому мы не можем присоединиться к резкой оценке, данной Эразмом „Certe sicubi ineptus non est Palladas, ibi fur esse credendus est“ (J. Hutton. The Greek Anthology in France. Ithaca, 1946, p. 133, 135). В данном случае следует указать на упомянутую работу Хаттона и более раннюю его работу: The Greek Anthology in Italy to the Year 1800. Ithaca, 1935.

²¹⁷ М. В. Левченко. ВС, стр. 9; а также J. Irmischer. Festschrift Franz Dornseiff. Leipzig, 1953, S. 117.

И. Н. БОРОЗДИН

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Прошло сто лет со дня смерти Т. Н. Грановского, выдающегося историка-просветителя, зачинателя русской медиевистики. Появилось много работ, посвященных его научной и общественной деятельности. Советские исследователи не только внимательно изучают труды Грановского, но и критически разбираются в накопившейся за столетие литературе об известном историке. Разрушено и отброшено немало „творимых легенд“, неверных, а часто и намеренно фальсифицированных оценок Грановского как ученого. Советская историческая наука значительно продвинула вперед изучение научного наследия Т. Н. Грановского.

Очень большой интерес представляет вопрос об отношении Грановского к проблемам истории Византии и славянства. Выступления Т. Н. Грановского по вопросам истории Византии заслуживают тем большего внимания, что этому выдающемуся представителю тогдашней передовой науки приходилось преодолевать традиционные представления об истории Византии как страны застоя. Хорошо известно, как отрицательно относились к средневековью вообще и к истории византийской империи в частности просветители XVIII в., занятые ожесточенной борьбой с абсолютизмом и клерикализмом. И Монтескье, и Вольтер, и Кондорсе не жалели самых колких слов и резких выражений, характеризую Византию как оплот церковного мракобесия, деспотизма, интриги и склоки. Выдающийся историк XVIII в., специально занимавшийся историей Восточной Римской империи, Гиббон, сделал как бы некоторое обобщение той негативной концепции византийской истории, которая создана была в „век просвещения“. Ученые первых десятилетий XIX в. во многом перепевали высказывания своих предшественников. Характерно, что Гегель в своей „Философии истории“ дает определенно отрицательную характеристику Византии. „История высокообразованной Восточной Римской империи, — пишет он, — где, как следовало бы думать, дух христианства мог бы быть понят в своей истинности и чистоте, представляет тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину“¹.

Отрицательное отношение к Византии давало себя знать и в России. В московских кружках 30—40-х годов прошлого столетия, в ожесточенных спорах западников и славянофилов не раз дебатировался вопрос об исторической роли Византии. Виднейший представитель „западников“ П. Я. Чаадаев давал уничтожающую характеристику Византии. В своем

---

¹ Гегель. Философия истории. Перев. А. М. Водена. М.—Л., 1935, стр. 318.